

Opp. 659 ⁶ / 2

XVc, 19-2

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

^с
СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

2

МОСКВА,

Въ Типографіи С. Селивановскаго,

1803.

За 1641547

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Съ дозволєнія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

П И С Ь М А

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Ч А С Т Ь I.

Я хотѣлъ при новомъ изданіи мно-
гое переимѣнить въ сихъ Письмахъ,
и... не переимѣнилъ почти ничего.
Какъ они были писаны, какъ удо-
стоились лестнаго благоволенія Пу-
блики, пусть такъ и остаются.
Пестрота, неровность въ слогѣ есть
слѣдствіе разлитныхъ предметовъ,
которые дѣйствовали на душу мо-
лодаго, неопытнаго Рускаго Путеш-
ественника: онъ сказывалъ друзь-
ямъ своимъ, что ему приключалось,
что онъ видѣлъ, слышалъ, чувство-
валъ, думалъ — и описывалъ свои
впечатлѣнія не на досугѣ, не въ
тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ
случалось, дорогою, на лоскуткахъ,
карандашемъ. Много неважнаго, мѣ-
лоти — соглашаюсь; но если въ
Ритардсоновыхъ, Фильдинговыхъ
романахъ безъ скуки читаемъ мы—

на примѣрѣ, что Грандисонъ всякой день пилъ два раза чай съ любезною Миссѣ Биронъ; что Томъ Джонесъ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ: то для того же и Путешественнику не простить нѣкоторыхъ бездѣльныхъ подробностей? Человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого нибудь Придворнаго, окруженнаго такими же Придворными, или Профессора въ Шпанскомъ парикѣ, сидящаго на большихъ, утѣныхъ креслахъ. — А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ Писемъ, совѣтую читать Бишингову Географію.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ II.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ I.

Тверь, 18 Маія 1789.

Разспался я съ вами, милые, разспался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

50

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ воспоргѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты побдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты побдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемой день, я спалъ грустивъ, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разспаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгору-

нившись въ припадкахъ своей меланхолии, и гдѣ такъ часто за-спавало меня восходящее солнце — на гошической домѣ, любезной предметѣ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памяникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за помыслами и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое по время, какъ былъ размягченъ, рас-проганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало расстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута,

въ которую мы прощались, была
такова, что тысячи пріятныхъ
минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ
за нее заплашутъ.

Милой Пшрв. провожалъ меня
до заспавы. Тамъ обнялись мы съ
нимъ, и еще въ первой разъ видѣлъ
я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ
кибишку, взглянулъ на Москву,
гдѣ оспавалось для меня споль-
ко любезнаго, и сказалъ: *прости!*
Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади
помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ
въ мірѣ, осиротѣлъ въ
душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и
тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ копо-
рые такъ хорошо бывало сердцу
моему посреди васъ, милые? —
Если бы человѣку, самому бла-
гополучному, вдругъ открылось бу-
дущее, то замерло бы сердце его
отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ
бы въ самую ту мину, въ копо-

рую онъ думалъ называть себя щасливѣйшимъ изъ смертныхъ! . .

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ пракширѣ, стоя передъ карриатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ - то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ прогнѣтельномъ видѣ — — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ множество утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства! —

С. Петербургъ, 26 Маія 1789.

Проживъ здѣсь пять дней ,
друзья мои , черезъ часъ поѣду
въ Ригу.

Въ Петербургѣ я не веселил-
ся. Приѣхавъ къ своему Д **, на-
шелъ его въ крайнемъ уныніи. Сей
достойной , любезной человекъ (*)
открылъ мнѣ свое сердце; оно чув-
ствительно — онъ несчастливъ! . .
„Состояніе мое совсѣмъ по моему
противоположно , сказалъ онъ со
вздохомъ: главное мое желаніе ис-
полняется: ты будешь наслаждашь-
ся, веселишься; а я поѣду искать
смерти , которая одна можетъ
окончить мое ссраданіе.“ Я не
смѣлъ упѣшать его, и довольство-
вался однимъ сердечнымъ учаспі-
емъ въ его горести. Но не думай,
мой другъ — сказалъ я ему — чтобы
ты видѣлъ передъ собою человека,
довольнаго своею судьбою; приобрѣ-

(*) Его уже нѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

шая одно, лишаясь друга, и жалю. — Оба мы вмѣстѣ опѣ всего сердца жаловались на несчастной жребій чловѣчества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ лѣпнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждой о своемъ думалъ. До обѣда бывалъ я на биржѣ, чшобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели. Тамъ, смотря на корабли, я вздумалъ-было ѣхать водою, въ Данцигъ, въ Штептинъ или въ Любекъ, чшобы скорѣе быть въ Германіи. Англичанинъ мнѣ то же совѣтовалъ, и сыскалъ Капитана, коимъ черезъ нѣсколько дней хотѣлъ плыть въ Штептинъ. Дѣло, казалось, было съ концомъ; однако жъ вышло не такъ. Надлежало объявить мой паспортъ въ Адмиралтействѣ; но тамъ не хотѣли подписать его, попому, что онъ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петер-

бургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду; то есть, не сказано, что поѣду моремъ. Возраженія мои не имѣли успѣха — я не зналъ порядка, и мнѣ оставалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургъ. Я рѣшился на первое; взялъ подорожную — и лошади готовы. И такъ проспите, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣе! А до сей минуты все грустно. Проспите!

Рига, 31 Маія 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, приѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ Hôtel de Petersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, копорой причина вамъ извѣстна: надлежало еще иппи сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ,

кѣ нещасью , ѣхашъ изѣ Петербурга *на перекладныхъ* , и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибипокѣ. Все меня сердило. Вездѣ , казалось , брали съ меня лишнее ; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько , какъ въ Нарвѣ. Я прѣѣхалъ шуда весь мокрой , весь въ грязи ; на силу могъ найши купить двѣ рогожи , чшобы сколько нибудь закрыться отъ дождя , и заплашилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибипку дали мнѣ негодную , лошадей скверныхъ. Лишь только отѣѣхали съ полверсты , переломилась ось ; кибипка упала въ грязь , и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью , а бѣдной вашъ другъ оспался на сильномъ дождѣ. Эшова еще мало : пришелъ какой-то Полицейской , и началъ шумѣть , чшо кибипка моя спояла среди дороги. Спрячь ее въ карманъ! ска-

залъ я съ припворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи заімили въ душѣ моей. О если бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то безпокойство сердца человеческого, которое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы — которое настраиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстности будущаго!

Если всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самой потѣ мигъ, какъ сердце мое спало полно, явился хорошо-одѣтой мальчикъ, лѣтъ принадацати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ

мнѣ по-Нѣмецки: „У васъ излома-
лась кибитка? Жаль, очень жаль!
Пожалуйте къ намъ — вотъ нашъ
домъ—бапюшка и мапушка прика-
зали васъ просить къ себѣ.“—Бла-
годарю васъ, государь мой! Только
мнѣ не лѣзя опойши опѣ своей ки-
битки; къ тому же я одѣтъ слиш-
комъ по-дорожному, и весь мокры.—
„Къ кибиткѣ приспавимъ мы чело-
вѣка; а на плащѣ дорожныхъ кто
смопритѣ? Пожалуйте, сударь, по-
жалуйте!“ — — Тутъ улыбнулся
онъ такъ убѣдительно, что я дол-
женъ былъ спрягнуть воду съ шля-
пы своей,—разумѣется, для того,
чтобы съ нимъ идти. Мы взялись
за руки, и побѣжали бѣгомъ въ боль-
шой каменной домъ, гдѣ въ залѣ
перваго этажа нашелъ я многочис-
ленную семью, сидящую вокругъ
стола; хозяйка разливала чай и кофе.
Меня приняли такъ ласково, пош-
чивали такъ сердечно, что я за-
былъ все свое горе. Хозяинъ, по-

жилой человекъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія расспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человекъ, племянникъ его, не давно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. „Нѣтъ, еще посидите!“ сказали мнѣ—и хозяйка принесла на блюдѣ при хлѣба. „Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его.“ *Богъ съ вами!* примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку: *Богъ съ вами!*—Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чобы онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ упѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями.—Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человеческого, и столь рѣдкая во дни наши! есѣли я когда нибудь тебя

забуду , то пуспъ забудупъ меня
друзья мои! Пуспъ вѣчно буду без-
домнымъ на землѣ спранникомъ и
нигдѣ не найду впораго Крамера!
(*) Проспился со всею любезною
семьею, сѣлъ въ кибитку и поска-
калъ , обрадованный находкою до-
брыхъ людей! —.

Почта опъ Нарвы до Риги назы-
вается Нѣмецкою, для того, чпо
Коммиссары на спанціяхъ Нѣмцы.
Почтовые дома вездѣ одинакіе—
низенькіе, деревянные , раздѣлен-
ные на двѣ половины : одна для
проѣзжихъ , а въ другой живепъ
самъ Коммиссаръ, у котораго мож-
но найпи все нужное для уполенія
голода и жажды. Спанціи малень-
кія; еспъ по двѣнадцати и десяти
верспъ. Вмѣсто ямщиковъ ѣздяпъ

(*) Одинъ изъ моихъ пріятелей, буду-
чи въ Нарвѣ , чипалъ Крамеру сіе
письмо—онъ былъ доволенъ—я еще
больше!

опспавные солдапы, изъ которыхъ
иные помнятъ Миниха; рассказы-
вая сказки, забывающъ они пого-
нятъ лошадей, и для того прѣхалъ
я сюда изъ Петербурга не прежде,
какъ въ пятой день. На одной стан-
ціи за Дерпшомъ надлежало мнѣ
ночевать: Г. З. **, ѣдущій изъ Испа-
ліи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ
полчаса говорилъ съ нимъ, и нашелъ
въ немъ любезнаго человека. Онъ
наспращалъ меня песчаными Прус-
скими дорогами, и совѣщавалъ луч-
ше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну;
однако жъ мнѣ не хотелось перемѣ-
нить своего плана. Пожелавъ ему
щастливаго пути, бросился я на
поспелю; но не могъ заснуть до
самаго того времени, какъ Чухо-
нецъ пришелъ мнѣ сказать, что
кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой роз-
ницы между Эстляндцами и Лиф-
ляндцами, кромѣ языка и кафша-
новъ: одни носятъ черные, а дру-

гіе сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣ-
 ютъ въ себѣ мало собственнаго,
 много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколь-
 ко Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ,
 что они всѣ Нѣмецкія слова смяг-
 чаютъ въ произношеніи: изъ чего
 можно заключить, что слухъ ихъ
 нѣженъ; но видя ихъ непрворство,
 неловкость и недогадливость, вся-
 кой долженъ думать, что они,
 просто сказать, глуповаты. Го-
 спода, съ которыми удалось мнѣ
 говорить, жалуются на ихъ лѣ-
 ность, и называютъ ихъ сонливыми
 людьми, которые по волѣ ничего
 не сдѣлаютъ; и такъ надобно,
 чтобы ихъ очень неволили, потому
 что они очень много работаютъ,
 и мужикъ въ Лифляндіи, или въ
 Эстляндіи, приноситъ господину
 вчеперо болѣе нашего Казанскаго
 или Симбирскаго.

Сии бѣдные люди, работающіе
 господамъ со страхомъ и трепетомъ
 во всѣ будничные дни, за то уже

безъ памяти веселятся въ праздники, копорыхъ, правда, весьма не много по ихъ Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздѣ мой были наполнены гуляющимъ народомъ — праздновали Троицу.

Мужики и господа Люперанскаго исповѣданія. Церкви ихъ похожи на наши, кромѣ того, что на верьху стоипѣ не крестѣ, а пѣшухѣ, которой долженъ напоминать о паденіи Апостола Пепра. Проповѣди говорятся на ихъ языкѣ; однако жъ Паспоры всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежиѣ до мѣстоположеній, то въ этой споронѣ смонрѣѣ не на что. Лѣса, песокъ, болоша; нѣѣ ни большихъ горъ, ни пространныхъ долинъ. — Напрасно будешь искаѣ и такихъ деревень, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ видишь два двора, въ другомъ три, чепыре, и церковь. Избы больше нашихъ, и раздѣлены

обыкновенно на двѣ половины: въ одной живутъ люди, а другая служить хлѣвомъ. — Тѣ, которые ѣдутъ не на почтовыхъ, должны останавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ не видалъ проѣзжихъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ суконнымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большей части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на Нѣмецкую сторону, а въ другой все на Рускую. Тутъ была прежде наша граница — о Пётръ, Пётръ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасной городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось.

Мушцины и женицины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія пары. *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обытай.* — Здѣсь-то живепѣ брашѣ несчастнаго Л** (*). Онѣ главной Паспорѣ, всѣми любимѣ, и доходѣ имѣепѣ очень хорошій. Помнипѣ ли онѣ брата? Я говорилѣ обѣ немѣ съ однимѣ Лифляндскимѣ дворяниномѣ, любезнымѣ, пылкимѣ человекомѣ. „Ахѣ, государь мой! сказалѣ онѣ мнѣ: самое то, что одного прославляетѣ и щаспливитѣ, дѣлаепѣ друга злополучнымѣ. Кпо, чишая Поэму шеспнад-

(*) Ленца, Нѣмецкаго Автора, копорый нѣсколько времени жилѣ со мною въ одномѣ домѣ. Глубокая меланхолия, слѣдствіе многихъ несчастій, свела его съ ума; но въ самомѣ сумасшествіи онѣ удивлялѣ насѣ иногда своими нѣпшическими идеями, а всего чаще прогалѣ добродушіемѣ и терпѣніемѣ.

цапила́шняго Л***, и все то, что онъ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, не увидишь *утренней зари великаго духа*? Кто не подумаетъ: вотъ юной Клопштокъ, юной Шекспиръ? Но черныя тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло. *Глубокая чувствительность*, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельствова, и Л* безсмертенъ!“ —

Лишь только вѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговой городъ — много лавокъ, много народа — рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй — биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ — гдѣ-гдѣ Руской — и вездѣ пребываютъ не рублей, а шалеровъ. Городъ не очень красивъ; улицы узки — но много каменнаго строенія, и есть хорошіе дома.

Въ пракширѣ, гдѣ я остановил-
ся, хозяинъ очень услужливъ: самъ
носилъ паспортъ мой въ Правленіе
и въ Благочиніе, и сыскалъ мнѣ
извозчика, копорой за принадацать
червонцевъ нанялся довести меня
до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимъ
Французскимъ купцомъ, копорой
нанялъ у него въ свою коляску че-
тыре лошади; а я побѣду въ кибит-
кѣ.—Илью отправлю отсюда пря-
мо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о
васъ думаю, когда могу думать. Я
еще не выѣхалъ изъ Россіи, но
давно уже въ чужихъ краяхъ, по-
тому что давно съ вами расстался.

Курляндская кортма, 1 Іюня 1789.

Еще не успѣлъ я окончатъ письма
къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ
лошади были впряжены, и пракшир-
щикъ пришелъ сказать мнѣ, что

черезъ полчаса запрутъ городскія воропы. Надобно было дописать письмо, расплапиться, укласъ чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Хозяинъ воспользовался моимъ недосугомъ, и подалъ мнѣ самой аптекарской счепъ; по есть, за однѣ супки онъ взялъ съ меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ поропахъ ничего не забылъ въ пракпирѣ. Наконецъ все было гошово, и мы выѣхали изъ воропъ. Тутъ проспился я съ добродушнымъ Ильею — онъ къ вамъ поѣхалъ, милые! — Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодого путешественника, и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заспавъ, маленькому домику съ рогаткою. Парижской купецъ пошелъ со мною къ Маіору, копорой

принялъ меня учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы вѣхали въ Курляндію — и мысль, что я уже внѣ опечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ опмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ. Скоро открылась Митавъ. Видѣ сего города некрасивъ, но для меня былъ привлекателенъ. Вотъ первой иностранной городъ! думалъ я — и глаза мои искали чегонибудь опмѣннаго, новаго. На берегу рѣки Аа, черезъ которую мы переѣхали на плоту, стоилъ дворецъ Герцога Курляндскаго, не малой домъ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпной. Стекла почти вездѣ выбиты или вынуты; и видно, что внутри

комнатъ передѣлывающъ. Герцогъ живешъ въ лѣтнемъ замкѣ, не далеко отъ Мишавы. Берегъ рѣки покрытъ лѣсомъ, которымъ самъ Герцогъ исключительно торгуешъ, и которой составляетъ для него немалой доходъ. Споявшіе на караулъ солдаты казались инвалидами. Что принадлежитъ до города, то онъ великъ, но не хорошъ. Дома почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пуспирей много.

Мы остановились въ практирѣ, которой считается лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ Жиды съ разными бездѣлками. Одинъ предлагалъ пружку, другой старой Люперанской молитвенникъ и Гопшедову Грамматику, третій зрительное стекло, и каждой хотѣлъ продать товаръ свой такимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Французенка,

бдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, спала оправлять свои сѣдые волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу—видѣли, какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ!

Возвратясь, обѣдали мы съ добрымъ аппешипомъ, и послѣ обѣда имѣли время напиться кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ сопутника своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое опечесство и вошелъ въ коммерцію въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ опчаспи по своимъ дѣламъ, опчаспи для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращающаеся опять въ Парижѣ, гдѣ на-

мѣренѣ навсегда оспаться. — За все вмѣстѣ заплатили мы въ пражирѣ по рублю съ человека.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, копорую не жаль пробхать зажмурясь. Намъ попались фурманы изъ Либавы и Пруссіи. Спранные экипажи! Длинные фуры цугомъ; лошади пребольшія, и висящія на нихъ гремушки производящъ нестерпимой для ушей шумъ.

Опѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постель для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы печатъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкой зеленою травою, и обнесенъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревьями. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ

одинъ Московской вечеръ , въ которой , гуляя съ Пш. подъ Андроньевымъ монастыремъ , съ оптѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ ! Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ-было я писать романъ, и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить поочно всѣ земли, въ которыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи , выѣхавъ изъ Россіи , остановился я ночевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самой ненастной ; что дождь не оставилъ на мнѣ сухой нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самой тихой и ясной. Сей первой ночлегъ былъ несчастливъ

для романа: боясь, чшобы ненаспное время не продолжилоь и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ.—Я легъ на правѣ подѣ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы шеперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два Нѣмца, копорые въ особой кибишкѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подѣ меня на правѣ, закурили трубки, и опѣ скуки начали бранишь Руской народѣ. Я, переспавъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги? Нѣтъ, опвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о Руской націи, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признашь ме-

ня Рускимъ , воображая , что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ , что онъ имѣлъ щастіе быть въ Голландіи , и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. „Кто хочетъ узнать свѣтъ , говорилъ онъ , тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно , и всѣ гуляють на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того , что тамъ увидишь! Повѣрьте мнѣ , государь мой , что въ Роттердамъ я сдѣлался человекомъ!“ — Хорошъ гусь ! думалъ я — и пожелалъ имъ добраго вечера.

Поланга, $\frac{3}{14}$ Июня 1789.

Наконецъ , проѣхавъ Курляндіею болѣе двухъ сотъ верстъ , вѣхали мы въ Польскія границы , и остановились ночевать въ богатой кор-

чмѣ. Въ день переѣзжаемъ обыкновенно десять миль, или верстъ семдесятъ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время что пить и ѣсть: супъ, жареное съ салапомъ, яицы; и за это плашили мы не болѣе, какъ копѣекъ по двадцати съ человека. ЕСТЬ вездѣ кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. — Дорога довольно пуста. Кромѣ фурмановъ, копорые намъ раза при попадались, и старомодныхъ берлиновъ, въ копорыхъ Курляндскіе дворяне ѣздящъ другъ къ другу въ госпи, не вспрѣчались намъ никакіе проѣзжіе. Впрочемъ дорога не скучна; вездѣ видишь плодосную землю, луга, рощи; шамъ и сямъ маленькія деревеньки, или врозь разсѣянные крестьянскіе домики.

Съ Французскимъ Италіянцомъ мы ладимъ. Къ Француженкѣ у меня не лежишь сердце, для того что ея фізіогномія и ухвашки

мнѣ не нравящся. Впрочемъ можно
ее похвалишь за опрятность. Лишь
только остано́вимся, изво́щикъ
нашѣ Гаврила, котораго она зо-
ветъ Габріелемъ, долженъ нести
за нею въ горницу уборной лар-
чикъ ея, и по крайней мѣрѣ часъ
она помадится, пудрится, при-
пирается, такъ что всегда надоб-
но ее дожидаться къ обѣду. Дол-
го совѣпо́вались мы, сажать ли съ
собою за столъ Нѣмцовъ. Мнѣ по-
ручено было узнать ихъ состоя-
ніе. Открылось, что они купцы.
Всѣ сомнѣнія исчезли, и съ того
времени они съ нами обѣдаютъ; а
какъ Италі́янецъ съ Францу́жен-
кою не разумѣютъ по Нѣмецки, а
они по Французски, то я долженъ
служить имъ переводчикомъ. Нѣ-
мецъ, которой въ Роттердамѣ
спалъ человѣкомъ, увѣрялъ меня,
что онъ прежде совершенно зналъ
Французской языкъ, и забылъ его
весьма недавно; а чтобы еще бо-

лѣе увѣритъ въ эпомъ меня и товарища своего, то при всякомъ поклонѣ Француженкѣ говоришь онъ: *оплише, Матамъ! obligé, Madame!*

На Польской границѣ осмопръ былъ не строгой. Я далъ приспавамъ копѣекъ сорокъ; послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ сотъ сажень. Я около часа сидѣлъ на берегу, и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественной и унылой! Напрасно глаза мои искали корабля или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ; порывистой вѣтръ опрокинулъ бы челнъ его.— Завтра будемъ обѣдать въ Мемелѣ, откуда отправлю къ вамъ это письмо, друзья мои!

Мемель, 15 Іюня, 1789.

Я ожидалъ , что при вѣѣздѣ въ Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ ; однакъъ этого не случилось. Мы пріѣхали въ Мемель въ одиннадцатомъ часу , остановились въ пракширѣ — и дали нѣсколько грошей осмопрщикамъ , чтобы они не перерывали нашихъ вещей.

Городъ не великъ ; есть каменные строенія , но мало порядочныхъ. Цитадель очень крѣпка; однакъъ наши Рускіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ торговымъ городомъ. Курляндской Гафѣ , на которомъ онъ лежитъ , очень глубока. Приспана наполнена разными судами , которыя грузятъ по большой части пенькою и льсомъ для отправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ припущи ; по берегу Гафа считается

до Кенигсберга 18 миль, а через Тилзитъ 30: большая розница! Но извозчики всегда почти избираютъ сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, которыхъ весьма упоминаютъ ужасные пески набережной дороги. Всѣ они берутъ здѣсь билеты, плаща за каждую лошадь и за каждую милю до Кенигсберга. Нашъ Габріель заплатилъ при шалера, сказавъ, что онъ поѣдетъ берегомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Тилзитъ; но Руской человекъ смекнулъ, что за 30 миль взяли бы съ него болѣе, нежели за 18! Третьей путь водою черезъ Гафъ, самой крапчайшей въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергѣ. Нѣмцы наши, которые наняли извозчика только до Мемеля, ѣдутъ водою: что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца. Габріель уговаривалъ и насъ съ Италіянцомъ —

съ которыми обыкновенно говоришь
онъ или знаками, или черезъ ме-
ня — бхашъ съ ними же: что
было бы для него весьма выгодно;
но мы предпочли покойное и вѣр-
ное безпокойному и невѣрному, а
въ случаѣ бури и опасному.

За обѣдомъ бѣли мы живую, вкус-
ную рыбу, которою Мемель из-
обилуетъ; а какъ намъ сказали,
что Прускія корчмы очень бѣдны,
то мы запаслись здѣсь хорошимъ
хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, время
отнести письмо на почту; у насъ
лошадей впрягаютъ.

Что принадлежишь до моего
сердца. . . . благодарю судьбѣ! оно
спало повеселѣе. То думаю о васъ,
моихъ милыхъ — но не съ такою
уже горестію, какъ прежде — по-
даю волю глазамъ своимъ бродить
по лугамъ и полямъ, ничего не
думая; но воображаю себѣ будущее,
и почти всегда въ пріятныхъ

видахъ. — Простите! Будьте здоровы, спокойны, и воображайте себѣ снранспвующаго друга вашего *рыцаремъ веселаго образа!* —

*Кортма, въ милѣ за Тильзитомъ,
17 Іюня 1789, II часовъ ночи.*

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ было-легъ на постелю; но около часа напрасно ожидавъ сна, рѣшился встать, засвѣпить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои.

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, очень пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенные, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали

составляли также пріятной видѣ, Qu'il est beau, ce pays-ci! пвердили мы съ Италіянцомъ.

Вообще, кажется, земля въ Пруссіи еще лучше обработана, нежели въ Курляндіи, и въ хорошіе годы во всей здѣшной споронѣ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ; но въ прошедшій годъ урожай былъ такъ худъ, что Правительству надлежало довольствовать народъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ магазиновъ. Пять, шесть лѣтъ хлѣбъ родился хорошо; въ седьмой годъ худо, и поселянину бѣсъ не чего — опѣ того, что онъ всегда излишно надѣется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетъ все сверхъ необходимаго. — Тильзитъ есть весьма изрядно выспроенной городокъ и лежитъ среди самыхъ плодоноснѣйшихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ. Онъ производитъ знаш-

ной торгъ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвратились еще со службы. Толстой часовой, у копораго подъ брюхомъ моталась маленькая шпаженка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ при шага впередъ и престраннымъ голосомъ закричалъ мнѣ: *Wer sind Sie? Кто вы?* Будучи занявъ разсмаприваніемъ его необыкновенной фізіогноміи и фигуры, не могъ я поспѣшъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще спрашивѣйшимъ голосомъ: *Wer seyd ihr?* гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при вся-

комъ разѣ шапалъ онѣ головою , дивясь чудному Рускому имени. Съ Италіянцомъ испорія была еще длиннѣе. Напрасно опзывался онѣ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: полспобрюхой часовой непремѣнно хотѣлъ, чѣтобѣ онѣ опвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣрояпно съ великимъ трудомъ наизустъ выпверженные. Наконецъ я былъ призванъ на помощь, и насилу добились мы до того, чѣтобы насѣ пропустили. — Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ прострѣленную Рускими ядрами.

Въ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса , ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ *des oeufs au lait*, или Рускую яшницу , копорая съ молошнымъ супомъ и салапомъ соспавляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. За то мы съ Италіянцомъ пьемъ въ день чашекъ по десяти кофе , копорое вездѣ находили.

Лишь только расположились мы вълкорчмѣ, гдѣ теперъ ночуемъ, усѣли лошадиной попопѣ, и черезъ полминуты вошелъ чело-вѣкъ въ темномъ фракѣ, въ пре-большой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ; подошелъ къ столу, взглянулъ на насъ—на Францужен-ку, заняшую вечернимъ туале-томъ; на Италіянца, разсмапри-вавшего мою дорожную ландкарту, и на меня, пившаго чай—скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго ве-чера, и оборотясь къ хозяйкѣ, ко-торая лишь только показала лобъ изъ другой горницы, сказалъ: „Здравствуй, Лиза! Какъ пожива-ешь?“

Лиза (сухая женщина лѣтъ въ тридцать). А, Господинъ Порутчикъ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Порутчикъ. Изъ города, Лиза. Баронъ Фонъ М* * писалъ ко мнѣ, что у нихъ Комедіанты. „Пріѣз-

жай , брашъ , прїѣзжай ! Шалуны
повеселяшъ насъ за наши гроши!“
Чоршъ меня возьми ! Есшьли бы я
зналъ , что за швари эши Комеді-
аншы , не изъ чего бы не побхалъ .

Лиза . И , ваше благородіе ! Развѣ
вы не жалуете Комедіи ?

Поруттикъ . О ! я люблю все ,
что забавно , и переплашилъ въ
жизнь свою довольно полновѣсныхъ
палеровъ за Доктора Фауста съ
Гансѣ Вурспомъ (*).

(*) Докторъ Фаустъ , по суевѣрному
народному преданію , есть великой
колдунъ , и по сіе время бываешъ
обыкновенно героемъ глупыхъ піесъ ,
играемыхъ въ деревняхъ или въ го-
родахъ на площадныхъ Театрахъ
странствующими Актерами . Въ са-
момъ же дѣлѣ Іоаннъ Фаустъ жилъ ,
какъ честной гражданинъ , во Франк-
фуртѣ на Майнѣ , около середины
пятнаго-надесять вѣка ; и когда Гуп-
пенбергъ , Майнцской уроженецъ , из-
обрѣлъ печатаніе книгъ , Фаустъ

Лиза. Гансѣ Вурстѣ очень смѣшенѣ, сказывающѣ.— А что играли Комедіанты, Господинѣ Порупчикѣ?

Порупчикѣ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалѣ, другой кривлялся,

вмѣстѣ съ нимѣ пользовался выгодами сего изобрѣшенія. По смерти Гушпенберговой Фаустѣ взялъ себѣ въ помощники своего писаря, Петра Шойффера, которой искусство книгопечатанія довелѣ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги привели людей въ изумленіе; и какѣ просполюдины того еѣка приписывали дѣйствію сверхъестественныхъ силъ все то, чего они изъяснить не умѣли, то Фаустѣ провозглашенѣ былѣ сообщникомѣ дьявольскимѣ, которымѣ онѣ слывешѣ и понынѣ между чернію и въ сказкахѣ.—А Гансѣ Вурстѣ значилѣ на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахѣ то же, что у Италіянцовѣ Арлекинѣ.

претій тарацилѣ глаза, а пупнаго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ Комедіи, Господинѣ Порупчикѣ?

Порупчикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзипѣ?

Лиза. Господинѣ Бургомиспрѣ съ сожипельницею изволилѣ ли бытъ шамѣ?

Порупчикъ. Развѣ онѣ изѣ послѣднихъ? Толспобрюхой дуракѣ зѣвалѣ, а чванная супруга его безпреспанно перла себѣ глаза плашкомѣ, какѣ будто бы попалѣ въ нихъ табакѣ, и полкала его подѣ бокѣ, чшобы онѣ не заснулѣ и переспалѣ пялишѣ ропѣ.

Лиза. То-то насмѣшникѣ!

Порупчикъ. (саясь и кладя свою шляпу на столѣ подѣ моего чайника). Um Vergebung, mein Herr! Прощипе, государѣ мой!—Я усшалѣ, Лиза. Дай мнѣ кружку пива. Слышишь ли?

Лиза. Топчасъ , Господинъ Порупчикъ.

Поруттикъ (вошедшему слугѣ своему). Каспаръ! набей мнѣ трубку.— (оборошившись къ Француженкѣ). Осмѣлюсь спросить съ моимъ почтеніемъ, жалуете ли вы табакъ?

Француженка. Monsieur!—Qu'est ce qu'il demande, Mr. Nicolas ? (Такъ она меня называетъ).

Я. S'il peut fumer? — Курише, курише, Г. Порупчикъ. Я вамъ за нее отвѣчаю.

Француженка. Dites qu'oui.

Поруттикъ. А! Мадамъ не говоришь по-Нѣмецки. Жалѣю, весьма жалѣю, Мадамъ.— Откуда ѣдете, еслии смѣю спросить , государь мой?

Я. Изъ Петербурга , Господинъ Порупчикъ.

Поруттикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Что слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, Г. Порупчикъ: и шѣ и другіе бѣгають опѣ Рускихъ.

Порупчикъ. Чортъ меня возьми! Рускіе споятъ крѣпко. — Скажу вамъ по пріязни, государь мой, что есѣли бы Король мой не опговорила мнѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ Шпабъ-Офицеромъ въ Руской службѣ. У меня вездѣ не безъ друзей. На примѣръ, племянникъ мой служишь старшимъ Адъютантомъ у Князя Попемкина. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишеть. Поспойте—я покажу вамъ письмо его. Чортъ меня возьми! я забыла его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятіе Очакова. Пятнадцать тысячъ легло на мѣсто, государь мой, пятнадцать тысячъ!

Я. Не правда, Г. Порупчикъ.

Порупчикъ. Не правда? (съ насмѣшкою) Вы конечно сами тамъ были?

Я. Хоть и не былъ, однако жъ знаю, что Турковъ убито около 8000, а Рускихъ 1500.

Поруттикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (Принимаясь за кружку, которую между тѣмъ принесла ему хозяйка) Разумѣете ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, Г. Порупчикъ..

Поруттикъ. Ваше здоровье, государь мой!—Ваше здоровье, Мадамъ!—(Италіянцу) Ваше здоровье! —Пиво изрядно, Лиза. —Послушайте, государь мой!—Теперь вы называете меня Господиномъ Порупчикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Поруттикъ. Скажите, ошъ того, что я (надѣвъ шляпу) поклонился моему Королю—и безвременно пошелъ въ опсшавку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (приподнявъ

шляпу): „Господинъ Маіоръ, здравствуйте!“ (Допивая кружку) Разумѣете ли? Чортъ меня возьми, еспѣли я не по уши влюбился въ свою Анюшу! Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа, государь мой, даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ. — Лиза! скажи, какова моя Анюша?

Лиза. И, Г. Поручикъ! какъ будто вы сами этого не знаете! — Чего говорите, что пригожа! — Скажу вамъ смѣхъ, Г. Поручикъ. Какъ вы на святой недѣлѣ вечеромъ проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга — правду сказать, баринъ доброй, и заплашилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Кушавъ онъ много не спрашивалъ — —

Поручикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ доброй господинъ спаялъ на крыльцѣ, и уви-

дѣла Госпожу Порупчицу, ко-
рая сидѣла въ коляскѣ на правой
сторонѣ—такъ ли, Господинъ По-
рупчикъ?

Порупчикъ. Ну что же онъ ска-
залъ?

Лиза. То-то баба! сказалъ онъ
— ха! ха! ха!

Порупчикъ. Видно, онъ не глупъ
былъ — ха! ха! ха!

Я. И такъ любовь заспавила
васъ иппи въ опспавку, Г. Поруп-
чикъ?

Порупчикъ. Проклятая любовь,
государь мой. — Каспаръ, пруб-
ку! — Правда, я надѣялся на
хорошее приданое. Мнѣ сказали,
что у спарика фонъ Т* золотыя
горы. Дѣвка добра, думалъ я: дай
женимся! Спарикъ радъ былъ вы-
дать за меня дочь свою; только
она никакъ не хотѣла иппи за
служиваго. „Мамзель Анюша! ска-
залъ я: люблю тебя какъ душу;
только люблю и службу Королев-

скую.“ На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы. Я попнулъ ногою, и — пошелъ въ опсавку. Чпо же вышло? На другой день послѣ свадьбы любезной мой песпюшка, вмѣсто золопыхъ горъ, наградилъ меня према сопнями шалеровъ. Вопѣ шебѣ приданое! — Дѣлапъ было не чего, государь мой. Я поговорилъсѣ нимъ крупно, а послѣ за бупылкою спараго Реинскаго вина заключилъ вѣчной миръ. Правду сказапъ, спарикъ былъ добро-сердеченъ — помяни Богъ его душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ моихъ, и оспавилъ намъ въ наслѣдство дворянской домъ. —

Но перервемъ разговоръ, копкой занялъ уже слишкомъ двѣ спраницы, и начинаемъ упомляпъ серебряное перо мое (*). Словоохопной Порупчикъ до десяти ча-

(*) Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ.

совѣ наговорилъ съ при короба ,
 копорыхъ я , жалѣя Габріелевыхъ
 лошадей , не возьму съ собою. Ме-
 жду прочимъ , услышавъ , что я изъ
 Кенигсберга поѣду въ публичной
 коляскѣ , совѣтовалъ мнѣ 1) за-
 нять мѣсто въ срединѣ , и 2)
 еспѣли будучъ со мной дамы , поп-
 чивать ихъ во всю дорогу чаемъ и
 кофе. Въ заключеніе желалъ , что-
 бы я путешествовалъ съ пользою ,
 такъ какъ извѣстной Баронъ
 Тренкъ , съ копорымъ онъ будпо
 бы очень друженъ. — Господинъ
 Порупчикъ , всунувъ свою прубку
 въ сапогъ , сѣлъ на коня и пусшил-
 ся во всю прышь , закричавъ мнѣ :
щастливой путь , государь мой !

Чего не напишешь въ минушы
 безсонницы ! — Простише до Ке-
 нигсберга ! —

Кенигсбергъ, Іюня 19, 1789.

Вчера, въ семь часовъ утра, пріѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и спалъ, вмѣстѣ съ своимъ со-
путникомъ, въ пракширѣ у Шенка.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстѣ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на копорой онъ лежитъ, хощя не ширѣ 150 или 160 футовъ, однакожъ пакъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходитъ по ней. Домовъ счисляется около 4000, а жителей 40000 — какъ мало по величинѣ города! Но теперь онъ кажется многолюднымъ, попому что множество людей собралось сюда на ярмонку, копорая начнется съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ

огромныхъ, какъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадаются въ глаза мундиры. Не скажу, чгобы Прусскіе солдаты были одѣшны лучше нашихъ; а особливо не нравяшся мнѣ ихъ двуугольныя шляпы. Чго принадлежитъ до Офицеровъ, то они очень опрятны, а жалованья получающъ, выключая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ. Я слыхалъ, будто въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однакожъ видѣлъ здѣсь по крайней мѣрѣ десять пяташилѣшнихъ. Мундиры синіе, голубые и зеленые съ красными, бѣлыми и оранжевыми опворопами.

Вчера обѣдалъ я за общимъ столомъ, гдѣ было старыхъ Маіоровъ, полсшыхъ Капитановъ, осани-

спыхъ Порупчиковъ , безбородыхъ Подпорупчиковъ и Прапоріциковъ человекъ съ шридаць. Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смопръ. Офицерскія шушки также со всѣхъ сторонъ сыпались. На примѣръ: „Что за причина , Г. Рипмейсперъ , что у васъ нынѣ и днемъ окна закрыты? Конечно вы не письмомъ занимаетесь? ха! ха! ха!“ — „То-по фонъ Кребсъ ! Все знаешь что у меня дѣлается!“ — и проч. и проч. Однакожъ они учпивы. Лишь только наша Француженка показалаь, всѣ вспали , и за обѣдомъ служили ей съ великимъ усердіемъ.— Какъ бы то ни было, только въ другой разъ разсудилъ я за благо обѣдаць одинъ въ своей комнаѣ, распворивъ окна въ садъ, откуда лились въ мой Нѣмецкой супъ аромапическія испаренія сочной зелени.

Вчерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канша, глубокомыслен-

наго, тонкаго Метафизика, ко-
 рой опровергаеѣ и Малевбранша и
 Лейбница, и Юма и Боннета —
 Канта, котораго Иудейской Со-
 краѣ, покойной Мендельзонѣ, и-
 наче не называлѣ, какѣ *der alles*
zermalmende Kant, т. е. *все со-*
крушающій Кантѣ. Я не имѣлѣ къ
 нему писемѣ; но смѣлосѣ города
 беремѣ—и мнѣ отворилисѣ двери
 въ кабинетѣ его. Меня вѣпрѣшилѣ
 маленькой, худенькой старичекѣ,
 отмѣнно бѣлой и нѣжной. Первые
 слова мои были: „Я Руской дворя-
 нинѣ, люблю великихѣ мужей, и
 желаю извѣявипѣ мое почпеніе Кан-
 ту.“ Онѣ тотчасѣ попросилѣ меня
 сѣсѣ, говоря: „Я писалѣ такое,
 что не можеѣ нрависѣя всѣмѣ;
 не многіе любяѣ метамфизическія
 тонкости.“ Сѣ полчаса говорили
 мы о разныхѣ вещахѣ: о путеше-
 ствіяхѣ, о Китаѣ, обѣ отккрытіи
 новыхѣ земель. Надобно было удив-
 ляѣся его историческимѣ и гео-

графическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы однѣ загромо-
здити магазинъ человѣческой памя-
ти; но эпо у него, какъ Нѣмцы го-
ворятъ, *дѣло постороннее*. Попомъ
я, не безъ скачка, обрапилъ разго-
воръ на моральную напуру чело-
вѣка; и вопъ чпо могъ удержати въ
памяти изъ его разсужденій:

„Дѣятельность есть наше опре-
дѣленіе. Человѣкъ не можетъ
быть никогда совершенно доволенъ
обладаемымъ, и спремится всегда
къ приобрѣтеніямъ. Смерть заспа-
етъ насъ на пупи къ чему нибудь,
чпо мы еще имѣть хопимъ. Дай
человѣку все, чего желаетъ; но
онъ въ ту же минуту почувству-
етъ, чпо эпо *все* не есть *все*. Не
видя цѣли или конца спремленія
нашего въ здѣшней жизни, полага-
емъ мы будущую, гдѣ узлу надоб-
но развязаться. Сія мысль пѣмъ
пріятнѣе для челоѣка, чпо здѣсь
нѣтъ никакой соразмѣрности меж-

ду радостями и горестями, между наслаждением и спраданіемъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестидесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступишь въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ *моральнымъ закономъ*, начерпаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о *моральномъ законѣ*: назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла — но онъ *есть*. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно. — Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разумокъ великъ намъ вѣришь ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, пакъ сказашь, *глазами увидѣли ее*? Если бы она намъ очень полюбилась, мы бы

не могли уже заниматься нынѣш-
нею жизнію и были въ непре-
спанномъ помленіи; а въ пропив-
номъ случаѣ не имѣли бы утѣше-
нія сказать себѣ въ горестяхъ
здѣшней жизни: *авось тамъ бу-
детъ лучше!* — Но говоря о на-
шемъ опредѣленіи, о жизни буду-
щей и пр., предполагаемъ уже мы
бытіе **ВСЕВѢЧНАГО ТВОРЧЕ-
СКАГО РАЗУМА**, все для чего
нибудь, и все благопворящаго.
Чпо? Какъ? ... Но здѣсь первой
мудрецъ признается въ своемъ не-
вѣжествѣ. Здѣсь разумъ погаша-
етъ свѣпильникъ свой, и мы во
тьмѣ оспаемся; одна фанпазія
можетъ носиться во тьмѣ сей и
пворишь несобыпное.“ — Почпен-
ной мужъ! прости, еспьли въ
сихъ спрокахъ обезобразилъ я мы-
сли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и пере-
писывался съ нимъ. „Лафатеръ
весьма любезенъ по добротѣ сво-

его сердца, говоришъ онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослѣпляется мечтами, вѣришъ магнетизму," и пр.—Коснулись до его непріятелей. „Вы ихъ узнаете, сказалъ онъ, и увидите, что они всѣ добрыя люди.“

Онъ записалъ мнѣ пишулы двухъ своихъ сочиненій, копорыхъ я не читалъ: *Kritik der practischen Vernunft* и *Metaphysik der Sitten*—и сію записку буду хранить какъ священной памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чпобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; попомъ мы съ нимъ распались.

Вопъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма интересной для меня бесѣды, копорая продолжалась около трехъ часовъ.—Каншъ говоришъ скоро, весьма тихо и невразумительно; и попому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха.

Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ.... его Метамифизики.

Здѣшняя кафедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсмапривалъ я тамъ древнее оружіе, лапы и шишакъ благочеспивѣйшаго изъ Маргграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы—думалъ я—гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя пѣни ваши ужасающіе робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзающіе вызывать ихъ изъ бездны минувшаго—подобно Улиссу, зовущему пѣни друзей своихъ изъ мрачныхъ жилищъ смерти—чтобы въ унылыхъ пѣсняхъ своихъ сохранять память чудеснаго измѣненія народовъ. — Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу.— На стѣнѣ изображена Маргграфова бере-

менная супруга, копорая, забывая свое соспояніе, бросається на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молишъ Небо о сохраненіи жизни Героя, идущаго побѣждашь враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣпспвуетъ прогашельности предмета!—Тамъ же видно множество разноцвѣпныхъ знаменъ, профеевъ Маргграфовыхъ.

Французъ, наемной лакей, провожавшій меня, увѣрлялъ, что опшуда еспъ подземной ходъ за городъ въ старую церковь, до копорой будепъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣспницею, копорая ведепъ подъ землю. Правда ли это или нѣпъ, не знаю; но знаю то, что въ средніе вѣки на всякой случай прокапывали такіе ходы, чшобы сохраняшь богатспво и жизнь опъ руки сильнаго.

Вчера ввечеру проспился я съ

своимъ поварищемъ, Господиномъ Ф***, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ расставаться. Онъ съ Француженкою побѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ можетъ быть еще увижу его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула, Господина И,*** копорой принялъ меня ласково. Онъ рассказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствіемъ слушалъ; и хотя уже давно живемъ въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говоримъ по Нѣмецки, однако же ни мало не *обгерманился*, и сохранилъ въ цѣлости Руской характеръ. Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтмейстеру, въ копоромъ просилъ его оповѣсти мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ Французомъ, копорой называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Узнавъ,

что въ практирѣ къ Шенку прі-
ѣхали иностранцы—ему сказали,
Французы—явился онъ къ Госпо-
дину Ф*** съ ношею комплимен-
товъ. Я шутъ былъ—и такъ мы
познакомились. „Въ Парижѣ есць
мнѣ равные въ искусствѣ, ска-
залъ онъ: для того не хотѣлъ я
тамъ оспаться, поѣхалъ въ Бер-
линъ, перелечилъ, перечислилъ
Нѣмецкіе зубы; но я имѣлъ дѣло
съ великими скрягами, и для то-
го—уѣхалъ изъ Берлина. Теперь
ѣду въ Варшаву. Польскіе госпо-
да, слышно, умѣютъ цѣнить до-
стоинства и таланты: попробу-
емъ, полечимъ, почислимъ! А тамъ
отправляюсь въ Москву—въ ваше
опечесство, государь мой, гдѣ ко-
нечно найду умныхъ людей болѣе,
нежели гдѣ нибудь.“—Нынѣ, ко-
гда я только-что управился съ
своимъ обѣдомъ, пришелъ онъ ко
мнѣ съ бумагами, и сказавъ, что
узнаетъ людей съ перваго взгля-

да, и что имѣешь уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ читать мнѣ. . . . практѣ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ читалъ, наемной лакей пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ практирѣ, обо дворѣ, остановился Руской курьерѣ, Капитанѣ Гвардіи. Allons le voir! сказалъ Французъ, спрятавъ въ карманъ свой практѣ. Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣстѣ Капитана нашелъ я Вахмиспра конной Гвардіи, Господина * * *, молодого любезнаго человека, который ѣдетъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первой разѣ посланъ курьеромъ, и не знаетъ по-Нѣмецки, чему Прусскіе Офицеры, окружившіе насъ на крыльцѣ, весьма дивились. Въ самомъ дѣлѣ не удобно ѣздить по чужимъ землямъ, зная только одинъ Французской языкъ, которымъ не всѣ говорятъ. — Въ то время, какъ мы

разговаривали, одинъ изъ споявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ копоромъ пишущъ къ нему, что близъ сей столицы разби́ли почту, зарѣзали поспилліона и опняли нѣскольکو пысячъ шалеровъ: непріятная вѣсть для тѣхъ, которые туда ѣдутъ!—Я пожелалъ земляку своему щаспливаго пути.

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенномъ на возвышеніи, осматривающъ путешественники цейггаузъ и библіотеку, въ копорой вы найдете нѣскольکو фоліантовъ и квартантовъ, окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московитская зала*, длиною въ 166 шаговъ, а шириною въ 30, копорой сводъ свѣденъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинной осьмиугольной столъ, цѣною въ 40000 шалеровъ. Для чего сія зала назы-

ваепся Московскою , не могъ узнатьъ. Одинъ сказалъ, будто для того , что шумъ нѣкогда сидѣли Рускіе плѣнники; но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствіемъ прогуливаться. Въ большихъ городахъ весьма нужны народныя гульбища. Ремесленникъ, художникъ, ученый опдыхаетъ на чистомъ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды иппи за городъ. Къ тому же испаренія садовъ освѣжають и чистяють воздухъ, которой въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами.

Ярманка начинается. Всѣ наряжаются въ лучшее свое платье, и толпа за толпою встрѣчается на улицахъ. Госпей принимають на крыльцѣ, гдѣ подають чай и кофе.

Я уже опсправилъ свой чемоданъ на почпу. Ёдущіе въ публичной коляскѣ могутъ имѣть 60 фунтовъ безъ плапы; у меня менѣе шесшидесяти.

Adieu! Землякъ мой Габріель, которой, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова.

Я васъ люблю также, друзья мои, какъ и прежде; но разлука не такъ уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествованіемъ. Иногда, думая о васъ, вздохну; но легкой вѣперокъ спруишь воду, не возмущая свѣплоспи ея. Таково сердце человѣческое; въ сію минушу благодарю Судьбу за то, что оно таково. — Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не безпокойтесь! Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

Маріенбургъ, 21 Іюня, ночью.

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она есть ничто иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ рессоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое товарищей, Капитанъ и Подпоручикъ, копорые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе; но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Капитанской и такъ называемой Ширмейстеръ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, копорыми голова моя наполнилась при голическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную карпину праздника — вездѣ веселящихся людей. Офицеры мои были весьма учтивы, и разговоръ, начавшійся между нами,

довольно занималъ меня. Мы говорили о Турецкой и Шведской войнѣ, и Капишанъ отъ доброго сердца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ, которые, по его мнѣнію, *едва ли* хуже Прусскихъ. Онъ рассказывалъ анекдоты послѣдней войны, которые всѣ относились къ чести Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хотѣлось, чшобы Королю миръ наскучилъ. „Пора снова драпья, говорилъ онъ: солдапы наши пролежали бока; намъ нужна экзерциція, экзерциція!“ Мирлюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился пропивъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасность ея: спонъ, вопль несчастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на попъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, поску опцевъ и маперей, женъ и дѣшей, друзей и сродниковъ; сиротство Музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное вре-

мя бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячущся, и пр. Немилоспивой мой Капитанъ смѣялся и кричалъ: „Намъ нужна экзерциція, экзерциція!“ Наконецъ я примѣшилъ, что взялся за работу Данаидъ; замолчалъ и обратилъ все свое вниманіе на пріятныя окрестности дороги. Поспильонъ нашъ не жалѣлъ лошадей, и такимъ образомъ не примѣпно доѣхали мы до перемѣны, гдѣ только-что имѣли время опужинашь на скорую руку.

Ночь была пріятна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не надолго, и почувспвовалъ выгоду, копорую имѣли мои товарищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дремать сидя. На разсвѣтѣ пріѣхали мы на другую станцію. Чшобы сколько нибудь ободришься послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Капитаномъ ча-

шекъ по пяти кофе — что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣспа пошли совсѣмъ не пріятныя, а дорога худая. Гейлигенбейль, маленькой городокъ въ семи миляхъ отъ Кенигсберга, приводилъ на мысль времена язычества. Тутъ возвышался нѣкогда величественной дубъ, безмолвной свидѣтель рожденія и смерти многихъ вѣковъ — дубъ, священной для древнихъ обитателей сей земли. Подъ мрачною его тѣнію обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листьевъ наполнялъ сердца ужасомъ, въ копорой жрецы язычества облакали Богопочитаніе. Такъ Друиды въ густомъ лѣсовѣ скрывали свою Религію; такъ гласъ Греческихъ Оракуловъ исходилъ изъ глубины мрака! — Нѣмецкіе Рыцари въ прешлемъ-

надесять вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олтари языческаго, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христіянства. Гордой дубъ, почтенной спарецъ въ царствѣ распѣній, препыканіе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная! — Сувѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба; что всѣ попышки опскакивали отъ толстой коры его, какъ отъ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ попоръ, копорой разрушилъ очарованіе, и отдѣлилъ дерево отъ корня; и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто Heiligenbeil, т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эта *сѣкира святыхъ* славишся какимъ-то отменнымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и

въ третій разъ перемѣняли лошадей, естъ довольно многолюдной городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ Капишанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — „И такъ это Фрауенбергъ?“ — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ сей славной Матемапикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюденіямъ и вычислениямъ, опредѣлилъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца — земли, копорая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ Планетъ, и копорую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ-было опять сстановить, но тщетно! — И такимъ образомъ Пифагоровы идеи, надъ копорыми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе, нежели Философу, воскресли въ системѣ Нико-

лая Коперника! — Сей Аспрономъ былъ щасливѣе Галилея: суевѣріе — хопя онъ жилъ еще подъ его скипетромъ — не заспавило его кляпвенно оприцанься опъ ученія испины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо-де-Браге долженъ былъ оставишь свой философской замокъ и опечесство. Науки, подобно Религiи, имѣли своихъ спримальцовъ. —

Передъ вечеромъ пріѣхали мы въ Эльбингъ, не большой, но портовой городъ, и весьма изрядно выспроенной, гдѣ споятъ два или при полка. Почтъ надлежало шупъ побыть болѣе часа. Мы пошли въ прахширъ, гдѣ, кромѣ хозяина и госпей, все было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣшаго человека. Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ, и въ сальномъ па-

рикѣ , человекѣ лѣтъ за сорокѣ ; а другой молодой человекѣ въ пестромѣ кургузомѣ фракѣ; первый игралѣ очень худо, и сердился ; а другой хопѣлъ надѣ нимѣ шутишь , смѣялся во все горло при каждомѣ его промахѣ , поглядывалѣ на насѣ и въ зеркало , и управлялѣ безпрестанно свой толстой, запачканной галстухѣ. Каррикапура за каррикапурою приходила въ пракширѣ , и всякая каррикапура претовала пива и прубку. Мнѣ было очень скучно. Кѣ тому же я чувствовалѣ сильное волненіе въ крови опѣ кофе и опѣ пряскаго движенія почтовой коляски.

Вышедши садиться , нашли мы у коляски молодого Офицера и старую женщину , которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что они бдутѣ съ нами. Такимѣ образомѣ спало намѣ гораздо тише. Офицеры мои рады были новому позарищу,

съ копорымъ могли они говоришь о прошедшемъ смолръ. Женщина, родомъ изъ Шведской Провинціи, услышавъ, что я Руской, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ злодѣи! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смѣялись; и я смѣялся, хотя не совсѣмъ опъ добраго сердца.

Между тѣмъ прекрасной вечеръ наспроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги распилались богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя спадаблеяніемъ и ревомъ своимъ праздновали заходженіе солнца. Кресъянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебной паръ молока, копорое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жители принадлежатъ, естли не ошибаюсь, къ сектъ Перекрестипшелей, *Wiedertäufer*. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ

не подымается на ближняго. Кровь
человѣческая, говорящѣ они, во-
піетѣ на небо. — Тишина наспу-
пившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Маріенбургѣ, гдѣ
я имѣлъ время написать къ вамъ
сполько страницѣ. Сей городѣ до-
стоинѣ примѣчанія только тѣмѣ,
что древній его замокъ былѣ нѣ-
когда столицею Великихѣ Маспе-
ровѣ Нѣмецкихѣ Рыцарей. — Отѣ
старой женщины, моей непріа-
тельницы, мы здѣсь освободились;
но мѣсто ея займетѣ высокой
Офицерѣ, копорой теперь сидитѣ
подлѣ меня, дожидаясь отправле-
нія почты. — Разсвѣтало. Проспи-
те! Изѣ Данцига надѣюсь еще что
нибудь приписать.

Данцигѣ, 22 Іюня, 1789.

Проѣхавѣ черезѣ предмѣстіе
Данцига, остановились мы въ Прус-

скомъ мѣстечкѣ Шпоценбергѣ ,
 лежащемъ на высокой горѣ сего
 имени. Данцигъ у насъ подъ но-
 гами какъ на блюдечкѣ, такъ что
 можно счипать кровли. Сей пре-
 красно-выспроенной городъ, море,
 гавань, корабли въ пристани и
 другіе, разсѣянные по волнующе-
 муся, необозримому пространству
 водъ—все сіе вмѣстѣ образуетъ
 такую картину, любезнѣйшіе
 друзья мои, какой я еще не види-
 валъ въ жизни своей, и на копо-
 рую смотрѣлъ два часа въ без-
 молвіи, въ глубокой тишинѣ, въ
 сладостномъ забвеніи самого себя.

Но блескъ сего города померкъ
 съ нѣкопюраго времени. Торговля,
 любящая свободу, болѣе и болѣе
 сжимается и упадаетъ отъ тѣ-
 снящей руки сильнаго. Подобно
 какъ монахи спрожайшаго Ордена,
 встѣрѣшась другъ съ другомъ въ
 унылой мрачности своихъ жилищъ,
 вмѣсто всякаго привѣтствія уми-

рающимъ голосомъ произносящъ :
помни смерть! такъ жители сего
 города въ глубокомъ уныніи вызы-
 ваютъ другъ ко другу : *Данцигъ!*
Данцигъ! гдѣ твоя слава? — Ко-
 роль Прусской наложилъ чрезмѣр-
 ную пошлину на всѣ товары, оп-
 раваемые опсюда въ море, опъ
 кошораго Данцигъ лежищъ вер-
 спахъ въ пяти или шести.

Шопландцы, копорые присыла-
 ющъ сюда сельди свои, пользова-
 лись въ Данцигъ всѣми правами
 гражданства, для того, что нѣ-
 когда Шопланецъ Догласъ ока-
 залъ городу важную услугу. Тѣ изъ
 жителей, съ копорыми я говорилъ,
 не могли мнѣ сказать навѣрно, не
 ограничены ли нынѣ сіи права, и
 въ чемъ именно состояла услуга
 Догласова. Такой знакъ благодар-
 носпи дѣлаещъ честь сему городу.

Я не зналъ, что почта пробу-
 дешъ здѣсь такъ долго; а по бы
 успѣлъ осмощрѣть въ Данцигъ

нѣкоторыя примѣчанія достойныя вещи. Теперь уже поздно: хопяпѣ впрягапѣ лошадей. Болѣе всего хопѣлось бы мнѣ видѣпѣ славную Эйхелеву картину, въ главной Люперанской церкви, представляющую страшную судѣ. Король Французской—не знаю, копорой—давалѣ за нее 100000 гульденовѣ.—Хопѣлось бы мнѣ видѣпѣ и Профессора Тренделенбурга, чпобы поблагодарипѣ его за Греческую Грамматику, имѣ сочиненную, копорой я пользовался и впредѣ надѣюсь пользоваться (*).—Огромнѣйшее зданіе въ городѣ еспѣ Рапуша. Вообще всѣ дома въ пяпѣ этажей. Опмѣнная чистота спеколь украшаетѣ видѣ ихѣ.

Данцигѣ имѣетѣ собственныя деньги, копорыя однакожѣ внѣ го-

(*) Авторѣ начиналѣ тогда учипѣся Греческому языку; но послѣ не имѣлѣ уже времени думать обѣ немѣ.

рода не ходящѣ ; и въ самомъ городѣ Прусскія предпочипающся.

На западѣ отъ Данцига возвышающся три песчаныя горы , которыхъ верьхи гораздо выше городскихъ башенъ ; одна изъ сихъ горъ есть Штоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія башарей могутъ отпуда разрушишь городъ. На горѣ Гагелсбергъ былъ некогда разбойничій замокъ ; эхо ужаса его далеко отъзывалось въ окрестностяхъ. Тамъ показывающъ могилу Русскихъ, убитыхъ въ 1734 году , когда Графъ Минихъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали , съ которой стороны будетъ приступъ ; по чему гарнизонъ и жители обратили шуда всѣ силы свои , и дрались какъ отчаянные. Извѣстно , что городъ держалъ сторону Спанислава Лещинскаго противъ Августа III, за котораго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли осмопрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ, и грозили выспрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею спрогоспію, и возвратились назадъ. Солдаты по большой части старые, и одѣты неопрятно. Магистратъ поручаетъ Коммендантское мѣсто обыкновенно какому нибудь иностранному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Для нихъ и для Капитанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ намъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять Магистеръ; но Французъ

поднялъ крикъ , доказывая свое
старшинство, и Ширмейстеръ рѣ-
шилъ дѣло въ его пользу, узнавъ ,
что онъ въ самомъ дѣлѣ записал-
ся на почтѣ ранѣе. Магистеръ
крайне упрашивалъ насъ, чтобы
мы какъ нибудь поспѣснились и да-
ли ему мѣсто въ коляскѣ, пред-
ставляя ученымъ образомъ, что
ему съ Ширмейстеромъ и слугою
будетъ скучно; но онъ *проповѣды-*
валъ *глухимъ* *ушамъ*, какъ гово-
рятъ Нѣмцы. Французъ, по доро-
жному очень хорошо одѣтой, въ
поржествѣ сѣлъ на лавкѣ между
двухъ Офицеровъ, съ насмѣшкою
жалѣя, что бѣднаго Магистера
вымочилъ дождь, копорой накра-
пывалъ. Новой нашъ поваричъ,
Офицеръ, желая сидѣть простор-
нѣе, взглядывалъ на него очень
косо, и началъ его жать. Фран-
цузъ весьма учтиво объявилъ, что
ему спановипся *тѣсновато*. Тѣмъ
хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офи-

церѣ съ сердцемъ, закурилъ трубку и началъ пускашь ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *что бы это знаило?* — „То, чшобы вы убрались въ фуру къ Магисперу.“ — „Государь мой!“ сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ. — „Государь мой!“ отвѣчалъ Офицеръ съ досадою: „вамъ говоряшъ, чшобы вы убрались отъ насъ.“ — Французъ съ важностію увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но Офицеръ, худой Юриспъ, началъ сыпать на него пепелъ съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ ушкнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдной Французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозь слезы просилъ Офицера оставить его въ покоѣ до первой переменны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые мои по-

варищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чптобы онъ удовольствовался его общаніемъ. И я смѣялся; однакожь искренно жалѣлъ о Французѣ, хопя онъ топчасъ забылъ все, и спалъ веселъ.

Теперь перемѣняющъ лошадей и готовящъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смотрѣлъ я на море, которое синѣлось на правой сторонѣ. Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго, кромѣ пространнаго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для того, что небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами. Въ серединѣ идетъ большая дорога, а по сторонамъ въ алеяхъ прогуливаются.

Офицеры сговорились-было апаковать Магистера; но онъ довольно искусно отбилъ первые приступы, такъ что они наконецъ

оставили его. Онъ ѣдетъ въ Ита-
лію разсмапривають древности.
Многіе воспочные языки, по его
словамъ, ему извѣстны. Онъ пока-
зывалъ мнѣ письмо Графа * * *, ко-
торой прислалъ ему экземпляръ
Аль - Корана, напечатаннаго въ
Пенсбургѣ. Мы другъ съ дру-
гомъ гораздо согласнѣе, нежели
съ Офицерами (*).

Штолпе, 24 Іюня.

Путешественники говорятъ все-
гда съ великимъ неудовольствіемъ
о грубости Прусскихъ поспиллі-
оновъ. Нынѣшній Король издалъ
указъ, по которому всѣ Почтмей-

(*) Послѣ читалъ я о Магистерѣ Рин-
гѣ въ прибавленіи къ Енскимъ Лип-
перашурнымъ Вѣдомостямъ. Онъ
извѣстенъ въ Германіи по своей у-
чености.

сперы обязаны имѣть болѣе уваженія къ пробѣжимъ, и не держаъ никого долѣе часа на перемѣнахъ, а поспилліонамъ запрещающа всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и несчастные путешественники должны были терпѣть, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія; однакожь не во всей точности исполняется. На примѣръ, не добѣгая за милю до Шполпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться поспилліоновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Пріѣхавъ въ городъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ Почтмейстеру, и пребовали, чшобы онъ наказалъ ихъ—*Выговоромъ?* спросилъ Почтмейстеръ—*Малкою*, отвѣчали Офицеры.—„Я не имѣю права

бишь ихъ.“—„Вздоръ! вздоръ! сказалъ Капитанъ: или я самъ со всѣми управляюсь!“—Тупъ онъ спрашнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею простью. „Насиліе! насиліе!“ закричалъ Почтмейстеръ: „хотясь драшься, бишь меня!“—Капитанъ вдругъ переѣнилъ понъ, и сказалъ тихо: „Я не хочу драшься, а въ Берлинъ поговорю объ васъ съ Министромъ.“ Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Поспиліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали—дверь зашворилась и опять попихоньку спала опворясь—всѣ пуда оборопили глаза, и увидѣли Почтмейстерову голову. Чпо вамъ угодно? спросилъ Капитанъ суровымъ голосомъ. Тупъ Почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое шуловище, началъ шаркать и кланяться Капитану, и называть его Господиномъ Капитаномъ, и опять Господиномъ

Капитаномъ, и увѣрялъ его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маіора его полку, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власть тѣхъ посшиллионовъ, копорые повезутъ насъ изъ Штолпе, и проч. и проч. — Капитанъ смягчился, улыбался и отвѣчалъ на все: „хорошо, хорошо, Господинъ Почтмейстеръ!“ — Мы съ Магистеромъ также улыбались; а Офицеры говорили тихонько: „дуракъ! прусъ!“ —

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасной бишофъ. И такъ ешьте вы, друзья мои, будете когда въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ тамъ обѣдалъ, — вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь остається пошѣ Офицерѣ,
кошорой мучилѣ Француза; и шакѣ
сей послѣдній сядешѣ съ нами.—
Adieu!

Штаргардѣ, 26 Іюня.

О Штаргардѣ, куда мы пріѣхали
ужинашѣ, могу вамѣ сказашѣ един-
ственнѣ по, чшо онѣ естѣ изряд-
ной городѣ, и чшо здѣшняя цер-
ковѣ Маріи считаешѣ высочайшею
въ Германіи.

Мы проѣхали черезѣ Кеслинѣ и
Керлинѣ, два маленькіе городка.
Вѣ первомѣ бросаешѣ въ глаза
большое чешвероугольное мѣсто со
спашуею Фридриха Вильгельма.
Ты доспоинѣ сей почеспи! думалѣ
я, чишая надпись. Не знаю, кого
справедливѣе можно назвашѣ *вели-*
ки.мѣ, опца или сына, хопя послѣд-
няго всѣ безѣ разбора *величаютѣ*.
Здѣсь должно смопрѣшѣ только

на дѣла ихъ, полезныя для государства — не на ученость, не на оспоря слова, не на авторство. Кто привлекъ въ свое государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссію? Кто всегда опходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей, для того, чтобы его подданные не перпѣли недосыпка въ нужномъ? Фридрихъ Вильгельмъ! — Но Кеслинъ будетъ для меня памятенъ не только по его монументу: тамъ милостивая пракпирцица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ! Неблагодаренъ путешественникъ, забывающій такіе обѣды, такихъ добрыхъ, ласковыхъ пракпирцицъ! По крайней мѣрѣ я не забуду тебя, милостивая Нѣмка! Вспомнивъ спашую Фридриха Вильгельма, вспомню и любезное твое угоще-

ніе , пріяпные взоры , пріяпныя слова пвои! . . .

„Чшо, будешъ ли у насъ война , Господа Офицеры?“ спросилъ у моихъ поварицей спарикъ, пракпирицикъ вѣ Керлинѣ. Не думаю, опвѣчалъ Капишанѣ. „Дай Богъ , чшобы и не было!“ сказалъ пракпирицикъ: „я боюсь не Авспрійскихъ гусаровъ , а Рускихъ козаковъ. О! чшо эшо за люди!“ — А по чему ты ихъ знаешь? спросилъ Капишанѣ. — „По чему? Развѣ они не были вѣ Керлинѣ? Ничшо не уйдемъ опъ ихъ пики. Къ шому же у нихъ шакія спрашныя лица, чшо меня по кожѣ подираешъ, когда воображу ихъ!“ Да вопъ Русской козакъ ! сказалъ Капишанѣ , указавъ на меня. Руской козакъ! закричалъ пракпирицикъ , и ударился запылкомъ вѣ спѣну. Мы всѣ засмѣялись , а пракпирицикъ захохалъ. „За эшу шупку вы заплашите мнѣ дороже , господа!“

сказалъ онѣ, взявъ кофейникъ изъ рукъ служанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онѣ лежишъ на возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, копорые прежде были наполнены водою. Тупѣ, въ высокомъ перемѣ, сидѣли мать и дочь за пѣльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и опецъ какъ голодной левъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. „Ѣдешъ! Ѣдешъ!“ кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались—гремѣли и опять подымались — и грабитель былъ безопасенъ въ обѣщаніяхъ своей жены и дочери. Тупѣ раскладывались похищенные богатства, и женщины отъ радости ахали. Тупѣ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь сажень глубиною, гдѣ густой воз-

духъ спирался и стягошилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтспвіемъ. Иногда бѣдной опецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и смопря на сіи оспрыя башни, восклицалъ: „Опдайше мнѣ сына, и возьмише все, что имѣю! Несчастная мапъ день и ночь крушипся; печальная невѣспа всякой часъ слезами обливаешся. Опдайше мапери сына и невѣспѣ жениха!“

Спой, воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и—заплапилъ два гроша сухой спарухъ и уродливому мальчику, копорые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна споипѣ пуспой, и начинаешъ уже разваливаться.

Теперь накрываюпѣ намъ сполѣ. Ужинѣ будешъ прощальной. Всѣ мои шоварищи, кромѣ Капишана, ѣдупѣ опсюда въ Шпешинѣ, куда мнѣ не дорога. Вѣрояпно, что намъ уже никогда не видапѣ другѣ

друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не поблагодарилъ бы судь бы, еспьли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о смотрахъ, маршахъ и тому подобномъ. Самой языкъ ихъ спраненъ. Не зная по Французски, употребляющъ они въ разговоръ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. На прим. Da ist eine Precipice—ich habe eine Türe gemacht—ich chanchire es, и проч.

Къ намъ приспалъ еще молодой человекъ, Почтмейстерской сынъ, который бденъ учился въ Университетъ. Слыша, что Офицеры въ шутку называли меня Докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ, какъ, *по моему мнѣнію*, можно перевести на Нѣмецкой Латинское слово ratio? Потомъ началъ говорить о *духѣ языковъ*, и

проч. Надобно знашь, что Магистеръ уже опъ насъ опспалъ; а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейстерскаго сына, и спарались его дурачить. Пріѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры, и положилъ на сполъ. Офицеры, находя страннымъ, что человекъ, бдущій учись въ Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманъ такую вещь, спали смѣясь. Французъ подскочилъ съ лорнетомъ, и началъ разсмапривать шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ Капитанъ. „Знакомыя черпы,“ съ важностію отвѣчалъ Французъ: „кажется, какъ будто бы я видалъ ихъ прежде; однакожъ нѣтъ — я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстампахъ въ Донъ-Кишотъ.“ Тутъ Офицеры во все горло захохотали,

а Спуденшъ осердился. Насмѣявшись досыта, Капишанъ сказалъ мнѣ: „Естьли когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ.“ Не забудьте шпоръ! закричали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я.—

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ останавливаютъ проезжихъ при вѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шутку сказываются смѣшными и разными именами, т. е. при вѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ, изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; претій въ городъ вѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ. Я не хотѣлъ шутишь, и для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ припворяться спящимъ, чтобы

имѣ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какойнибудь Баракоменеверусъ, и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Ариспидъ, выгнанной изъ Аѳинъ; иногда Альцибиадъ, ѣдущій въ Персію; иногда Докторъ Панглосъ, и проч. и проч.

Кушанье поспавили. Проспише!

Берлинъ, 30 Іюня, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе, что вы оспались здоровы, меня упѣшило, успокоило. Но на что вы иногда груспите? Этова не было въ уговорѣ. А еспьли вы и впредь будете такъ немилоспивы къ себѣ и къ другу своему, которой за нѣсколько тысячъ верспѣ беретъ учаспіе даже въ минушной

вашей непріятности: то онъ, въ опмищеніе вамъ, самъ будетъ груспить съ упра до вечера.

Послѣднее письмо опправилъ я къ вамъ изъ Шпаргарда. Мы выѣхали опшуда въ полночь. Кромѣ Капишана, было у меня двое новыхъ товарищей: Офицеръ, ѣдущій въ Имперію для набора рекрупъ, и купецъ Шпаргардской. Я сѣлъ въ коляскѣ назади, на своемъ чемоданѣ; могъ пропянуть ноги, могъ прилечь на подушку; спина моя распрямилась, и движеніе крови спало ровнѣе; пряская коляска казалась мнѣ усыпипельною колыбелью—и я, почиая себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ до первой перемѣны, гдѣ разбудили меня пишь кофе.

Не добзжая за десятъ миль до Берлина, Капишанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему сло-

во сыскапъ его въ Кенигсбергъ ,
 когда побѣду обратно черезъ сей
 городъ. „Вѣдь намъ еще надобно
 хопъ одинъ разъ въ жизни видѣть-
 ся,“ сказалъ онъ , пожимая руку
 мою: „забъжайте ко мнѣ , и раз-
 скажите, что увидите въ свѣтѣ.“
 —Хорошо, хорошо, Г. Капитанъ!
 Будьте между пѣмъ здоровы! —
 И такъ мы расспались.

Въ послѣднюю ночь нашего пу-
 шешеспвія , приближаясь къ Бер-
 лину , начиналъ я думать , что
 тамъ дѣлапъ буду, и кого увижу.
 Ночью всякія мечпы воображенія
 бывающъ живѣе , и я такъ ясно
 представилъ себѣ любезнаго А*(),
 идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ

(*) Алексѣя Михайловича Купузова ,
 добродушнаго и любезнаго человека,
 которой черезъ нѣсколько лѣтъ по-
 слѣ того умеръ въ Берлинѣ , бывъ
 жертвою несчастныхъ обстоя-
 тельствъ.

прубкою и кричащаго: *кого вижу?*
братъ Рамзей въ Берлинъ? чпо
 руки мои пропянулись обняшь
 его; но вмѣсто моего дражайшаго
 пріятеля, копорой въ сію минушу
 былъ опѣ меня такъ далеко, чупь
 не обнялъ я мокрой женщины,
 сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. „Но
 какъ зашла къ намъ мокрая женщи-
 на?“ Вопѣ какъ. Солнце сѣло, по-
 шелъ дождь, и вечеръ преврапил-
 ся въ глубокую ночь. Вдругъ ко-
 ляска наша остановилась; Ширмей-
 сперъ, сидѣвшій съ нами, выгля-
 нулъ и началъ съ кѣмъ-то бормо-
 шать; попомъ, оборотившись къ
 намъ, сказалъ: „Господа! позволите
 ли сѣсть въ коляску одной чеспной
 женщиинѣ и добхать съ нами до
 перваго мѣспечка, куда она идетъ
 съ своимъ мужемъ? Дождь промо-
 чилъ ее насквозь, и она боишся
 занемочь.“ А хороша ли она? спро-
 силъ Офицеръ, їдущій въ Импе-
 рію. Теперь темно, опѣчалъ Шир-

мейстеръ. Пускай ее садится, сказалъ Офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску, и была подлинно очень мокра, такъ что мы пяпились отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, копорая текла съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ, и узналъ отъ нее, что она жена поршнаго маспера, очень любилъ своего мужа, и съ нимъ никогда не разсается; что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, заживочнаго купца, копорой торгуетъ заморскими поварями, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтобы насладиться пріятностями вечера, никакъ не ожидавъ дождя; что она взяла у дяди книжку, *жизнь Барона Тренка*, въ копорой описываются самыя чудныя приключенія, и все справедливыя; что дочь дяди ихъ, копорой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не спала

цѣлую ночь, чѣтая эту книгу, а на другую ночь увидѣла во снѣ Тренка въ цѣпяхъ, и шакъ закричала, что опецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмотришь, что съ нею сдѣлалось, — и проч. и проч. Вотъ все дѣло!

Но есѣли я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую ту минуу встрѣпилась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать: *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше опечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь моихъ любезныхъ; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ! — Между тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Я тотчасъ пошелъ къ Почтмейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ. „Руской — купецъ изъ Риги,“ отвѣчалъ онъ. Тутъ я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости, что это былъ не нашъ А*.

Въ нѣкопороѣ распояніи опѣ
 Берлина начинается прекрасная
 алея изъ каштановыхъ деревьевъ,
 и дорога становится лучше и ве-
 селѣе. О видѣ Берлина не лѣзя
 было мнѣ судить попому, что
 безпрестанной дождь мѣшалъ ви-
 дѣть далеко впередъ. У воротъ
 мы остановились. Сержантъ вы-
 шелъ изъ караульни насъ допра-
 шивающъ: *Кто вы? Откуда ѣдете?*
За чѣмъ пріѣхали въ Берлинъ? Гдѣ
будете жить? Долго ли здѣсь про-
будете? Куда поѣдете изъ Бер-
лина? Судите о любопытствѣ здѣ-
 шняго Правительства!—Наконецъ
 мы вѣхали въ улицу прекраснаго
 Берлина, гдѣ я надѣялся опдо-
 хнуть въ обѣщаннѣй сердечной
 пріязни, рассказывающъ Рускому о
 Россіи и другу о друзьяхъ, гово-
 рить о нашихъ веселыхъ Москов-
 скихъ вечерахъ и философскихъ
 спорахъ!... Но судьба смѣялась
 надо мною!

Коляска наша остановилась у почтового дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря, гдѣ живешъ А*? И что же? Съ хладнокровіемъ, совсѣмъ пропивнымъ моему неперпѣнію, отвѣчалъ онъ: „Его уже здѣсь нѣтъ?“ — Его здѣсь нѣтъ? — Нѣтъ, сударь, повторилъ онъ, и началъ перебирать письма. — Гдѣ же онъ? — „Во Франкфуртѣ на Майнѣ. Подите къ своему Священнику; тамъ лучше все узнаете.“ — Я бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его навѣрно здѣсь найти? спросилъ онъ. „Думалъ, государь мой, думалъ!“ и съ сими словами я хотѣлъ ийти вонъ. „Поспойте, сказалъ Секретарь: надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ.“ То есть, надобно было взять съ меня нѣсколько грошей. — Вообразите друга вашего, идущаго въ самыхъ го-

респныхъ размышленіяхъ по Берлинскимъ улицамъ, въ слѣдъ за инвалидомъ, копорой несъ чемоданъ мой! Ни огромные дома, ни многолюдство, ни спукъ карепъ не могли вывеспи меня изъ меланхолической задумчивоспи. Я самъ себѣ казался жалкимъ сиротою, бѣднымъ, несчастнымъ, и единспвенно опъ того, что А* не хотѣлъ меня дожжаться въ Берлинѣ!

„Жаль, жаль, государь мой — сказалъ мнѣ Г. Блумъ, шракпирщикъ *Англійскаго Короля* въ братской улицѣ — жаль, что у меня нѣтъ теперъ для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняпы всѣ комнапы. Вы, думаю, знаете, что къ нашему Королю пожаловала госпыя, его сесприца. Въ Берлинѣ будущъ праздники, и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли, что я нынѣ опказалъ ужедесяпы человекамъ?“ — И такъ,

Г. Блумъ — — „Вы изъ Россіи
пріѣхали?“ — Изъ Россіи. И такъ
— „У васъ все войною занимают-
ся?“ — Да, Г. Блумъ, у насъ
война. И такъ мнѣ оспается — —
„Послушайте: теперъ только о-
проспалась у меня одна комнаша,
и вы можете занять ее. Чпо же
у васъ съ Турками дѣлается?“ —
Прикажице мнѣ указать комнашу;
а послѣ, естли угодно — — „О-
чень хорошо! очень хорошо! Пой-
демте, пойдете!“ Онъ привелъ
меня въ маленькую горенку съ од-
нимъ окномъ. „Не правда ли, чпо
она очень хороша и очень уютна?“
— Я доволенъ, Г. Блумъ. — Тутъ
пришелъ ко мнѣ фельдшеръ, па-
рикмахеръ. Г. Блумъ опъ меня не
выходилъ, безпрестанно говорилъ,
и наконецъ мнѣ же вздумалъ раз-
сказывать, чпо у насъ въ Россіи
дѣлается. Послушайте, Г. Блумъ,
сказалъ я: эпо все писано къ вамъ
опъ перваго числа Апрѣля по

спарому или по новому спилу. — „Какъ, государь мой!“ — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, — взялъ прощъ и пошелъ со двора.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ — сію истину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д*, желая найти въ немъ хоща часть любезныхъ свойствъ нашего А*; желая полюбить его, и говорить съ нимъ со всею дружескою искренностію, свойственною моему сердцу! — Благодарю Судьбу! Я нашелъ, чего желалъ — нашелъ въ Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человека. Онъ любитъ свое опечесство, и я люблю его; онъ любитъ А*, и я люблю его; онъ сроденъ къ опкровенности, и я тоже: и такъ долго ли было намъ познакомиться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ захотѣлъ еще проводить меня.

Лишь только вышли мы на ули-

цу, я долженъ былъ зажать себѣ носъ отъ дурнаго запаха, которой происходилъ отъ всякой нечистоты въ каналахъ. Для чего бы ихъ не чистить? Не уже ли нѣтъ у Берлинцевъ обонянія?—Д* повелъ меня черезъ славную *липовую* улицу, которая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены алеи для пѣшихъ, а по сторонамъ мостовая. Чище ли здѣсь живушъ, или испаренія липъ испребляюшъ нечистоту въ воздухъ—только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непріятнаго запаха. Дома не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. Въ аллеяхъ, которыя проспираются въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливалось много людей.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это отвѣчать, сказалъ онъ. Я

увидѣлъ на бумагѣ нѣ вопросы, копорые дѣлали мнѣ при вѣздѣ въ городъ, съ прибавленіемъ одного: *въ какія ворота вы вѣхали?* Они напечатаны, и мнѣ надлежало подъ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая оспорожностъ! Развѣ Берлинъ въ осадѣ? — Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что завтра Берлинская публика узнаетъ черезъ газеты о моемъ пріѣздѣ!

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д* осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ; улицы и дома очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади: *Вильгельмова, Жандармская, Денгофская* и пр. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ Прусскихъ Генераловъ: Шверина, Кейша, Винперфельда и Зейдлица. Шверинъ держитъ въ рукѣ знамя, съ копорымъ онъ, въ жаркомъ сра-

женіи подѣ Прагою , бросился на непріятеля, закричавъ своему полку : *дѣти! за мной!* Тупѣ умерѣ онѣ смертію Героя, и Король сожалѣлъ о семъ искусномъ и храбромъ Генералѣ болѣе , нежели о потерѣ двадцати тысячъ воиновъ.

— Фридрихъ , принявъ Кейпа въ свою службу, сказалъ : *я много выигралъ.* Фридрихъ зналъ людей , и Кейпѣ оказалъ ему важныя услуги.—Говорящѣ, что Графѣ Пепрѣ Александровичѣ Румянцовѣ похожѣ на Винперфельда. Я не имѣлъ щастиія видѣть нашего Задунайскаго Героя , и попому не могъ искасть сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винперфельда. — Зейдлицѣ былъ любимецѣ Королевской , пылкой , опважной воинѣ. Опдавая справедливостѣ его достоинствамъ, осуждающѣ въ немъ нѣкоторыя слабости, и говорящѣ, что онѣ были причиною безвременной смерти его. Онѣ умерѣ не

на полѣ чеспи, а на одрѣ мучительной болѣзни. Король пужилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ.— Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ передать въ камнѣ память своихъ полководцевъ. Юной воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и живетъ въ памяти потомства. Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей, и представлять себѣ дѣла ихъ.— На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, черезъ рѣку Шпре, стоитъ изъ мѣди вылитой монументъ Фридриха Вильгельма Великаго. Когда Рускія войска пришли сюда, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его псаками. Мы показывали сіи знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

Мы прошли въ Королевскую Библіотеку. Она огромна—и вошъ все, что могу сказать о ней! Бо-

лѣе всего занимало меня богатое анапомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойной Король заплашилъ за него 700 палеровъ. Есть довольно воспочныхъ рукописей, на копорыя я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Люперовъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совсѣмъ не могъ разобратъ его, не читавъ никогда рукописей того вѣка. — Книги давати на домъ запрещено; однакожъ извѣстной человѣкъ, задобривъ деньгами помощника Библиопекарскаго, можетъ имѣть нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д* взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библиотекою управляетъ нынѣ Г. Докторъ Бисперъ, копорой и живетъ въ семъ большомъ домѣ.

За столомъ у Господина Блума сидѣло человѣкъ придцать: Офицеровъ, купцовъ и важныхъ Сак-

сонскихъ Бароновъ, прїѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все гошовится ко встрѣчѣ Шпалгальперши, которая послѣ завтра будетъ сюда изъ Потсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близъ Ораніенбурга разбили почту. — Ввечеру Д* водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ простирается отъ Берлина до Шарлоттенбурга, и состоитъ изъ разныхъ алей: однѣ идущъ во всю длину его, другія поперекъ, иныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я того мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А* писалъ ко мнѣ слѣдующее: „Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ соснъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производя въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и пре-

давшись спремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня. . . . Не есть ли — думалъ я — не есть ли тьма сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстной тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣпящемуся свѣту, и — — Съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда, и часто поминаю тебя.“ Любезной

меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію алею, и стоялъ, можетъ быть, точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть, ты опять здѣсь стояшь будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя! —

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чптобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не понравилось. — Садъ Принца Фердинанда, въ которой мы прошли изъ звѣринца, опворенъ для всѣхъ порядочно-одѣтыхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ Принцъ, и съ угрюмымъ видомъ спланилъ намъ поклонъ. — Бьетъ часъ.

Юля 1.

Нынѣ поушру, побывавъ у Господина М**, къ кошпорому было у меня письмо спѣ Князя Д*, я видѣлся съ извѣстнымъ Николаемъ, Авшоромъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, ш. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣтилъ меня съ такою ловкостію, съ такою учтивостію, какой бы не лзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца. „Васъ знаютъ и въ Россіи, сказалъ я ему: знаютъ, что Нѣмецкая Липпература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видѣть друга Лессингова и Мендельзонова.“ — Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешественникомъ всего ближе говоришь о путешествіяхъ: и такъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говорить со мною о шѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно

имѣлъ въ этой примѣчанія достойной земаѣ, гдѣ онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Но скоро обрашилъ я разговоръ на Берлинской Іезуитизмъ. Надобно знать, что съ нѣкопорого времени начали писать въ Германіи — или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первой подалъ къ тому мысль — будто есть тайные Іезуиты, которые всѣми силами старающа снова овладѣть Европою; будто Калліостро и подобные суть ихъ Миссіонеры, которые, обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабощаютъ ихъ власти тайныхъ Іезуитскихъ начальниковъ и проч. и проч. Съ сего времени спали вездѣ искапы скрытыхъ Іезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Паспорами и солдатами. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что-то Іезуитское. Началась ужасная война, и Берлин-

ской Журналъ, издаваемой Бисперомъ и Гедике, избранъ былъ въ театръ сей войны. Съ Іезуитизмомъ слили въ одно Каполицизмъ; доказывали, что *тотъ* и *тотъ* изъ извѣстныхъ Пропантскихъ Ученыхъ тайно приняли Каполическую Религію; что они опасныя люди, и проч. Тѣ, копорыхъ наименовали, разсердились и начали браниться или опбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и нынѣ продолжается. Въспъ что сказалъ мнѣ Николай:

„Извѣстно, что Іезуиты имѣли вездѣ связи; что у нихъ были свои банки, свои банкиры. Общество ихъ хошя и называло Папу своимъ покровителемъ, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности Ордена. Папа, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заславить

внутреннихъ начальниковъ , или хранилцелей тайны , опказаться опъ ихъ цбли? Не уже ли закрылись всѣ тайные каналы , черезъ копорые они дѣйствовали? Не уже ли исчезли всѣ банки ихъ ? — Я предложилъ свои чаянія , и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гипопеза моя , казалось , могла изъяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ. — Что принадлежитъ до Каполицизма , то всякой Протестантъ имѣетъ причину не желать его распространенія. Мы , слава Богу ! можемъ обо всемъ разсуждать , можемъ пользоваться своимъ разумомъ ; но духъ Каполицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ , и налагаетъ цбли на разумъ. Если вы читаете книги , выходящія въ Германіи , то конечно замѣтили великую разницу между тѣми , копорые печатаются въ Протестантскихъ и

Каполическихъ земляхъ : гдѣ болѣе просвѣщенія?“ — Все это очень хорошо, сказалъ я ; но за чѣмъ съ такою жестокостію пишешь прошивъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно, что они сомнѣваются въ существованіи тайныхъ Іезуитовъ , и въ томъ , чтобы Каполики могли нынѣ быть опасны Пропеспантамъ? Признаться вамъ , я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣта Доктора Биспера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ, копорой съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія. — „Однакожь Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ свои мысли ; мы съ нимъ нарочно для этого видѣлись. Не надобно думать , чтобы Каполики совсѣмъ перестали нынѣ стараться обращать Пропеспантовъ въ свое исповѣданіе. Извѣстно ученіе ихъ церкви, что

внѣ ея нѣтъ спасенія : и такъ они , по нѣкоторому челоѣколюбію , хотѣли распространить ея область. Однимъ словомъ , осторожность была нужна.—Впрочемъ всякой отвѣчаетъ за себя. Если нѣкоторые зашли слишкомъ далеко, я не виноватъ. Только во многомъ насъ *хотятъ* криво толковать, къ чему Шпаркъ (*) и подобные имѣютъ свои причины. Правда, что дѣло, дѣлаемое съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ имѣть нѣкоторыя худыя слѣдствія; но если оно имѣетъ несравненно болѣе добрыхъ, то нельзя не называть его хорошимъ дѣ-

(*) Придворной Дармштатской Проповѣдникъ, котораго Берлинцы объявили пайнымъ Каполикомъ, Іезуитомъ, мечтателемъ ; кою судился съ Издавателями Берлинскаго Журнала гражданскимъ судомъ, и писалъ цѣлыя книги противъ своихъ обвинителей.

ломъ.“ — Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ. Путешествіе есть для меня лекарство, сказалъ онъ. Я записалъ ему на карточкѣ свое имя, и пожелалъ щасливаго пути. Попомъ онъ также учтиво проводилъ меня, какъ встрѣтилъ. — Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы еще поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаюсь, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искалъ перепимости, естли самые Философы, самые просвѣщеннели — а они такъ себя называютъ — оказывающъ столько ненависти къ пѣмъ, копорые думающъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинной Философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человеческого,

сѣ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и по чему; но не носи сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди! подѣ какимъ предлогомъ вы себя не мучите! — Лафатеръ есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Берлинцы бранятъ при всякомъ случаѣ; и естьли онъ у нихъ не совершенной Іезуитъ, то по крайней мѣрѣ великой мечтатель. Я къ Лафатеру не приспраспенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ не такъ, какъ онъ думаетъ; однакожъ увѣренъ, что его Физіогномическіе Фрагменты будутъ читаемы и тогда, когда забудутъ, что жилъ на свѣтѣ почтенной Докторъ Бисперъ. Но оставимъ ихъ. — Что принадлежитъ до Николаевой наружности, то въ ней хопя и нѣтъ ничего особенно привлекательнаго, однакожъ есть что-то почтенное. Онъ высокъ, худощавъ, смуглъ. Лафа-

перѣ въ Физіогномикѣ своей говоришь, что высокой лобъ его показываетъ весьма разсудительнаго человека.

У Г. Блума живешь одинъ молодой Шведской купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его. Минувъ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему сполу, что Шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ Русскими. Секретарь Датскаго Посольства, которой шутъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его патристическою ревностію. Прусскіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣришь ли вашей побѣдѣ? сказалъ Датчанинъ: мы будемъ ждать подтвержденія. Какова подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Ме-

жду шѣмъ Г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрашивалъ меня не входишь въ разговоръ. „За чѣмъ вамъ шупъ мѣшались? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, еспъли бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!“ Я увѣрялъ его, что есоры у насъ не будемъ; но послѣ стола не могъ уперпѣшь, чтобы не подойти къ Шведу и не вспупись съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ попчасъ подлешѣлъ къ намъ, и посмапривалъ по на меня, по на него, будучи готовъ запушить огонь при первомъ его воспыланіи. Однако жъ мы довольно спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ Россіи, и по мундиру моему попчасъ узналъ, что я Руской. При началѣ войны меня выслали изъ Пепербурга, сказалъ онъ, хопя мнѣ очень хопѣлось пожить шамъ. Жалуйтесь на своего Короля, опвѣчалъ я, кошорой объявилъ намъ войну

безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь, чптобы Шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: Короли поступающъ не по шбмъ правиламъ, копорыя для насъ, частныхъ людей, должны быть закономъ. „Эпо говоришъ Фридрихъ,“ сказалъ сквозъ зубы Прусской Маіоръ, сидѣвшій за столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д*, и Г. Блумъ былъ очень радъ, чпто я убрался въ свою комнапу. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ Гарнизонной церкви, и видѣлъ монументы и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Винперфельда, любезной Клейстъ, безсмертной пѣвецъ Весны, герой и патриотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ, и

взялъ при батареи. У правой руки опспрѣлили у него два пальца: онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею проспрѣлили ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту мину, какъ храбрый Клейспъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!* Наѣхали козаки, раздѣли Клейспа и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію мину смѣялся опъ всего сердца надъ спранныю физиогномією и ухващками одного козака, копорой снималъ съ него плащъ? Наконецъ опъ слабоспи заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палапкѣ. Ночью нашли его наши гусары, вышпщили на сухое мѣсто, положили близъ огня на солому, и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ хопѣлъ всунуть

ему въ руку нѣсколько палеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ съ своими поварищами. Попру увидѣлъ Клейстъ нашего Офицера, Барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ поспѣшавъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ съ веселымъ видомъ разговаривалъ съ Философомъ Баумгарпеномъ, нѣкоторыми Учеными и нашими Офицерами, которые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейстъ съ твердостью Стоического Философа. Всѣ наши Офицеры присутствовали на его погребеніи. Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробъ у него не было шпаги, положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго Офицера должна быть шпага и въ могилѣ.* — Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ. Весна не

была бы для меня такъ прекрасна, еспѣли бы Томсонъ и Клейспѣ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

Юля 2.

Нынѣ прѣхалъ сюда Король съ своею госпьею, Штапгалпершею. Не можете вообразить, что за пышная была ей вспрѣча! Всѣ граждане стояли въ ружьѣ, и никакая сорочья спая не можетъ такъ песприпѣся, какъ песпрился эпомъ фрунпѣ. Офицеры отличались отъ рядовыхъ только пѣмъ, что у нихъ косы привипы были гораздо круче. Въ ожиданіи Штапгальперши тянули они всѣмъ фрунпомъ водку, и такъ неоспоржно, что нѣкоторые спугались лбами. Капитаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ опмахнуть на караулъ масперски. „И конечно, конечно! кричали они: мы

не ударимъ себя лицомъ въ грязь.“
 Не лъзя было не смѣяться этому
 фарсу.— Купцы, всѣ въ красныхъ
 кафшанахъ, подѣ начальствомъ
 одного банкира, выѣзжали встрѣ-
 чать Штапгальпершу за городъ.
 — И за то, что я посмѣялся надъ
 Берлинскими гражданами и взгля-
 нулъ на Штапгальпершу и Прус-
 ского Короля, вымочилъ меня
 дождь. Теперь начнутся здѣсь
 пиры. — Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не
 былъ я такъ пріятно расстроганъ,
 какъ нынѣ въ Театрѣ. Представ-
 ляли Драму: *Менавистъ къ лю-
 дямъ и раскаяніе*, сочиненную Го-
 сподиномъ Коцебу, Ревельскимъ
 жишелемъ. Авторъ осмѣлился вы-
 вести на сцену невѣрную жену,
 копорая, забывъ мужа и дѣшей,
 ушла съ любовникомъ; но она ми-
 ла, несчастлива — и я плакалъ какъ
 ребенокъ, не думая осуждать Со-
 чинителя. Сколько бываетъ въ

свѣтъ подобныхъ исторій! . . . Концебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заспавляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса, или не хочетъ его слушаться! Последняя сцена въ піесѣ несравненна. — Г. Флекъ играетъ роль мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Гж. Унцельманъ представляетъ жену очень прогашельно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная помнось, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя. — Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы такихъ Актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драмапическихъ Авторовъ, которые съ такою живоспію представля-

юпѣ въ Драмахѣ своихъ человека, каковѣ онѣ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румяны, которыя человеку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія Нѣмецкія Драмы, я живо воображаю себѣ, какѣ надобно играть Актеру, и какѣ что произнести; но при чтеніи Французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какѣ можно въ нихъ играть Актеру хорошо, или такѣ, чтобы меня пропущѣ.—Вышедши изъ Театра, обтерѣ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечерѣ причисляю я къ щастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что Изящныя Искусства не имѣютъ вліянія на щастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ гру-

ди моей — пока будетъ оно чув-
спвишительно!

Юля 4.

Вчера въ шесть часовъ утра побѣ-
ли мы съ Д* верьхомъ въ Попсдамъ.
Ничего нѣтъ скучнѣ этой дороги:
вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ
занимательныхъ предметовъ въ
глаза не попадается. Но видъ Поп-
сдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень
хорошъ. Мы остановились въ прак-
тирѣ, не добѣжая до городскихъ
воротъ, и заказавъ обѣдъ, пошли
въ городъ. У воротъ записали наши
имена; однакожъ въ разсужденіи
допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой
спрогоспи, какъ прежде. Покой-
ной Король, живучи въ Попсдамѣ,
хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣз-
жихъ. — На парадномъ мѣстѣ
противъ дворца, которое украше-
но Римскими колоннадами, учи-

лась гвардія : прекрасные люди ,
 прекрасные мундиры ! Видѣ дворца
 со стороны сада очень хорошѣ .
 Городѣ вообще прекрасно выстро-
 енѣ ; въ большой, такѣ называемой
Римской улицѣ много великолѣп-
 ныхѣ домовѣ , спроектированныхѣ
 по образцу огромнѣйшихѣ Рим-
 скихѣ палацовѣ , и на собственныя
 деньги покойнаго Короля : онѣ да-
 рилѣ ихѣ , кому хотѣлѣ . Теперь
 сіи огромныя зданія пусты , или
 занимающіяся солдатами . Жителей
 очень мало : причиною то , что ны-
 нѣшній Король совсѣмѣ оставилѣ
 сей городѣ , предпочитая ему Шар-
 лоттенбургѣ . Не для того ли про-
 шивенѣ ему Потсдамѣ , что онѣ ,
 будучи Принцомѣ , имѣлѣ тамѣ
 много неудовольствій и досадѣ ?
 Вообразите , что цѣлой домѣ въ
 два этажа можно нанять тамѣ
 за пятьдесятѣ рублей въ годѣ ;
 да и то нанимать не кому . На
 дверяхѣ большихѣ домовѣ висятѣ

солдатскія сумы, камзолы, и проч. Коропко сказаць, Попсдамъ кажешся такимъ городомъ, изъ котораго жиители удалились, слыша о приближеніи непріятели, и въ копоромъ оспался только гарнизонъ для его защиты. Не можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустошы!

Въ Попсдамъ есть Руская церковь подъ надзираніемъ стараго Рускаго солдата, копорой живетъ тамъ со временъ царствованія Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскаць его. Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Рускіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Руски; но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между

собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хопѣлъ вѣришь, чѣобы мы говорили по-Руски. „Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можешъ бышь, забываю его.“ И то и другое правда, опвѣчали мы. „Пойдемше въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хопя нынѣ и нѣшѣ праздника.“ Спарикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда опворилась дверь въ церковь, гдѣ сполько времени царспвуешъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и шихимъ голосомъ молящагося спарца, копорой по воскресеньямъ приходишъ шуда чипашъ святѣйшую изъ книгъ, пригопвляющую его къ блаженной вѣчноспи. Въ церкви все чистю. Церковныя упвари и книги храняшся въ сундукъ. Опъ времени до времени спарикъ перебираешъ

ихъ съ молитвою. „Часто онъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая онъ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смотрѣть за церковью.“ — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ; проспились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему — тихой смерти.

Послѣ обѣда были мы въ Санъ-Суси. Сей увеселительной замокъ лежишь на горѣ, откуда можно видѣть городъ со всѣми окрестностями, что составляетъ весьма пріятную картину. Здѣсь жилъ не Король, а философъ Фридрихъ — не Стоической и не Циникъ — но философъ, любившій удовольствія и находившій ихъ въ Изящныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ соединить здѣсь простоту съ великолѣпиемъ. Домъ низокъ и малъ; но, взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекрас-

нымъ. Внутри комнаты опдѣланы со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекрасно набранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мершвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ деревомъ. Съ горы, срытой успупами, (которыя одинъ другой закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору) сошли мы въ пріятной садъ, украшенной мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольперами и Даланбергами. Гдѣ ны теперь? думалъ я. Сажень земли вмѣстила прахъ твой. Любезныя мѣстности твои, для украшенія которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты. — Изъ сада прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчается глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ

главной алеи; а далѣе, перешедши черезъ каменной мостъ, видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасные храмики. Мы прошли къ *новому дворцу*, построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностію. Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности; и дивясь богатству, дивишься и вкусу, копорой видѣнъ въ уборѣ комнатъ. Болѣе шести милліоновъ палеровъ стоилъ Королю сей дворецъ. — Правда, я былъ тутъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусствъ. Кровь моя волновалась, голова болѣла, и я насилу могъ ходитъ. Оставивъ дворецъ, поѣхали мы назадъ въ городъ, чшобы отдохнуть нѣсколько въ помѣ пракширѣ, гдѣ обѣдали.

День склонялся къ вечеру, и надобно было думать о возвращеніи. Вода съ виномъ освѣжила ме-

ня, и мы поѣхали назадъ въ Берлинъ по Шарлоттенбургской дорогѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой шутилъ не ѣзжалъ; но всѣ увѣряли насъ, что намъ не лѣзя сбиться съ дороги. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ хуже мнѣ спановилось. Газъ шесть сходилъ я съ лошади и отдыхалъ на правѣ. Ночь заспала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я такъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхать, ни иппи пѣшкомъ, и какъ полумертвой лежалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая тишина. Товарищъ мой споялъ подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и горевалъ, не зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, насъ можно было въ эту минуту изобразить на одномъ изъ тѣхъ эстамповъ, которыми украшаются модные романы! Д* вздумалъ-было искапъ по близости какого нибудь селенія, нанять те-

лѣгу и везти меня въ Берлинъ; но какъ же было оспаться мнѣ одному ночью, въ лѣсу и въ такой слабости? Пруссія не Аркадія, и нашъ вѣкъ не золопой: меня могли ограбить, а со мною было все мое богатство. Наконецъ, черезъ часъ, я вспалъ, и пожавъ руку у моего любезнаго товарища, сказалъ ему, что мнѣ лучше. Съ версшу прошли мы пѣшкомъ, и сѣли на лошадей. Смершальная жажда помила меня, и за стаканъ воды опдалъ бы я половину своихъ червонцевъ. Шарлоппенбургъ былъ отъ насъ еще не близко. Нѣсколько разъ надѣялись мы видѣть его, подвѣзжали и видѣли—лѣсъ и мракъ. Наконецъ пріѣхали въ городъ; и съ жадностію, какой еще никогда въ жизни своей не чувствовалъ, лилъ я въ себя холодную воду. До Берлина оставалась одна миля. Мнѣ хотѣлось какъ нибудь добрасть до мѣста, и мы вѣхали въ алею звѣринца.

Луна взошла надъ нами; ясною свѣтлѣея разливался по зелени листьевъ; тихой и чистой воздухъ упоенъ былъ благовонными испареніями липъ. И я могъ жаловаться въ сіи минуты — тогда, какъ мать Природа дышала ароматами вокругъ меня? Эта ночь оставила во мнѣ какія-то романческія, пріятныя впечатлѣнія. — Городскія ворота были уже заперены; однакожь насъ пропустили.

Нынѣ поутру вспалъ я совершенно здоровъ, одѣлся и поѣхалъ къ Господину М**. Онъ повезъ меня къ Формею, Секретарю Берлинской Академіи, которой принялъ насъ ласково. Сей старикъ все еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ намъ письмо, полученное имъ изъ П* отъ своего родственника, которой всякую недѣлю пишетъ къ нему, и не щадя бумаги. „Не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я все это читаю!“ сказалъ

онѣ. Г. Формей былѣ знакомѣ съ Вольперомѣ, и рассказывалѣ намѣ нѣкоторые анекдоты касательно до его пребыванія въ Берлинѣ. — Въ слѣдующій четвергъ будетѣ собраніе въ Берлинской Академіи, въ которое угодно было Господину Формею пригласитѣ меня. Мы побѣхали къ зятю его, Господину М*, Профессору, содержащему большаго пансіона и также Члену Академіи. Онѣ показывалѣ намѣ минеральной кабинетѣ и библіотеку сестры покойнаго Короля, состоящую изѣ Французскихѣ, Англійскихѣ, Испаніянскихѣ и Нѣмецкихѣ книгѣ — Философовѣ, Историковѣ и Поэтовѣ. — Послѣ обѣда я былѣ у Графа Н*; обѣ немѣ ни слова! Говорящѣ, что онѣ въспарину имѣлѣ имя остроумнаго человека въ свѣтѣ. Австрійскій Посолѣ, Князь Р*, бывшій у него въ гостяхѣ, казался мнѣ ласковѣе хозяина.

Я побѣхалъ въ Оперу. Оперной домъ великъ и очень хорошъ. Тутъ видѣлъ я всю Королевскую фамилію и Шпапгальпершу съ дочерью. Играли Оперу Медею, въ которой пѣла Тоди. Я слышалъ эту славную пѣвицу еще въ Москвѣ, и скажу — можетъ быть къ стыду своему — что ея пѣніе мало протаетъ мое сердце. Для меня не пріятно видѣть напряженіе, съ которымъ она поетъ. Впрочемъ, будучи только любителемъ музыки, не могу цѣнить искусства ея. Что принадлежитъ до декорацій, то онѣ были великолѣпны. —

Іюля 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамлера, Нѣмецкаго Горація. Самой почтенной Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, почищаются у насъ классическими. Ему пріятно

было слышать, что и въ Россіи читающъ его стихи и знающъ ихъ цѣну. Рамлеръ напишался духомъ древнихъ, а особливо Лапинскихъ Поэтовъ. Въ Одахъ его есть истинные восторги, высокое пареніе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе восторги, и заимствуетъ огонь у Горація или другихъ древнихъ Поэтовъ — правда, всегда искуснымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ вѣкъ Поэзіи. Въ новыхъ его піесахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармоніи, т. е. искусству его въ механизмѣ стихотворства; но въ нихъ нѣтъ уже пишического жара, копорой всегда съ лѣтами проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чувствовалъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его упражненіе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ Римскихъ Поэтовъ, въ копорыхъ почти все-

гда соблюдаешѣ мѣру оригинала. Сіи піесы, печатаемыя въ Берлинскомѣ Журналѣ, могутѣ служишѣ примѣромѣ въ искусствѣ переводитѣ. „Теперь, сказалѣ онѣ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изѣ его эпиграммѣ были до сего времени извѣстны на Нѣмецкомѣ языкѣ. Самѣ Лессингѣ перевелѣ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени.“ — Еще при жизни Геснеровой началѣ онѣ перекладывашѣ въ стихи его Идилліи. „Я подражаю Сократу — писалѣ онѣ къ Автору, своему другу — копорой въ старости своей перелагалѣ въ стихи Езоповы басни.“ Искусные Крипики не довольны трудомѣ его. Легкосѣ и проспоша Геснерова языка, говоряшѣ они, пропадаешѣ въ экзаменахѣ. Кѣ тому же въ Идилліяхѣ Швейцарскаго Теокрита естѣ какая-то гармонія, копорая не уступаетѣ гармоніи стиховѣ. Но Рам-

леръ думаетъ, и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идилліи были единственно потому несовершенны, что Авторъ писалъ ихъ не экзаменрами. — Спихи свои, еще въ рукописи, читаетъ онъ одной пріятельницѣ, копорая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное *чувство изящнаго*. „Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ ней, когда она находитъ что нибудь прошивное въ моихъ піесахъ. *Говорите, что хотите*, отвѣчаетъ она: *я не могу опровергать васъ, но остаюсь при своемъ чувствѣ*. Наконецъ, подумавъ хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь передъ нею.“ — Мнѣ пришла на мысль Аспазія, копорой Аѳинскіе пѣвцы отдавали на судъ свои творенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ — и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты Поэзіи живѣе мужчинъ. — Рамлеръ воспаетъ про-

пивъ Греческихъ митологическихъ именъ, копорыя Графъ Шполбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Лапинскимъ, говоришъ онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любилъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія мнѣ очень понравилось. Славной Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствоватъ для того, чтобы хорошо играть; если не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикѣ то же говоришъ: но Рамлеръ думаетъ пропивное, и, кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсе. „Вейсе лучший другъ мой,“ сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его. — Наконецъ я просился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказать,

канташъ , выбранной изъ псалмовъ.— Рамлеръ высокъ, худошавъ, долгоносъ ; говоритъ отборно и пропаяжно.

Нынѣ предспавляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Нещасная любовь Принца къ его ма-чихѣ Елисаветѣ, копорая прежде была его невѣстою , естъ содер-жаніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о копоромъ Испорія говоритъ столько худаго и добраго; копорой , для испреб-ленія ереси, проливалъ кровь чело-вѣческую; но услышавъ о погибели флота своего , разсѣяннаго вѣп-ромъ и разбишаго Англичанами, равнодушно сказалъ: *Я послалъ его противъ Англитанъ , а не противъ вѣтровъ: буди воля Божія !* и сіе нещастіе перенесъ съ пвердостію Героя — сей характеръ изобра-женъ съ великимъ искусствомъ. Благородной и пылкой въ спра-сняхъ своихъ Донъ Карлосъ про-

гаеиъ зрители до глубины сердца. Великодушной Маркизъ Поза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ, которую усыпила несчастная спраснь, представленъ Авторомъ въ примѣрѣ истинно-великаго мужа. Есть потрясающія и ужасныя сцены. — Короля игралъ Флекъ, и я еще болѣе увѣрился въ то, что онъ великой Актеръ. Машпаушъ, молодой человекъ, представлявшій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою. Что принадлежишь до роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Менависти* къ людямъ стараго Генерала, которой онъ скуки бьетъ мѣхъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Роль Королевы играла

очень слабо какая-то молодая Актриса. Гж. Унцельманъ прогашельно представляла молодую Принцессу, влюбленную въ Принца. — Сія Трагедія естъ одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Естъ только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самого Шекспира), которыя хотя и показываютъ остроуміе Автора, однакожь въ Драмѣ не у мѣста.

Берлинъ, Іюля 6.

Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поутру наемному своему лакею. — „А кто это Морицъ?“ — Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ, Философъ, Педагогъ, Психологъ — — „Постойте, постойте! Вы мнѣ много рассказали; на-

добно поискашь его въ календарѣ подѣ какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ (*вынувъ изъ кармана книгу*) и такъ онъ философъ, говоритъ вы? Посмотримъ.“ — Просподушіе сего добраго чело-вѣка, копорой съ важностію пере-ворачивалъ листы въ своемъ все-заключающемъ календарѣ, и не-премѣнно хотѣлъ найти въ немъ роспись философовъ, заставило меня смѣяться. Посмотри его лучше между Профессорами — сказалъ я — пока еще число лю-бителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ, живетъ въ* — — „Пойдемъ же къ нему.“

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочищавъ его Anton Reiser, весьма интересную психологическую книгу, въ копорой описы-вается онъ собственныя свои приключенія, мысли и чувства, и развишіе душевныхъ своихъ спо-

собностей. Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser, предпочитаю я всѣмъ систематическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужииться на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его пребудетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ опытъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько луидоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собирая новыя идеи и новыя чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подъ титуломъ *Reisen eines Deutschen in England*, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италіи, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, по чему — спарикомъ ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодаго человека лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ! — „Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!“ Онъ улыбнулся. — Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно разныхъ матерій.

„Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. — Кто хочетъ видѣть просвѣщенной народъ, которой посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени употребленія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о Древнихъ, тотъ долженъ видѣть Италію.“ — Онъ спрашивалъ меня

о нашемъ языкѣ, о нашей Лит-
 тературѣ. Я долженъ былъ про-
 чесать ему нѣсколько стиховъ раз-
 ной мѣры, копорыхъ гармонія ка-
 залась ему довольно пріятною.
 „Можетъ быть придетъ такое
 время, сказалъ онъ, въ которое
 мы будемъ учиться и Рускому я-
 зыку; но для эпова надобно вамъ
 написать что нибудь превосход-
 ное.“ Тутъ невольной вздохъ вы-
 лепѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ
 новымъ языкамъ предпочиаетъ
 онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ
 копоромъ изъ нихъ нѣтъ столько
значительныхъ словъ, какъ въ семъ
 послѣднемъ. Надобно сказать, что
 Морицъ есть одинъ изъ первыхъ
 знапоковъ Нѣмецкаго языка, и что
 можетъ быть никто еще не раз-
 биралъ его такъ философически,
 какъ онъ. Весьма любопытны не-
 большія его піесы *Über die Spra-
 che in psychologischer Rücksicht*,
 копорыя сообщаетъ онъ въ своемъ

Психологическомъ Магазинѣ. —

„Намъ должно всегда *соединенными силами* искашь истины, говоришь онъ: она укрывается опъ *уединеннаго* искашеля, и *утомленному* Философу часто призракъ истины кажется истиною.“ —

Морицъ въ ссорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, который въ Вѣдомостяхъ разбранилъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не захопѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. „Я хотѣлъ опвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ-было уже листа два; однакожь одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправданіе.“ — Спранныя вы люди! думалъ я: вамъ нельзя уживься въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго Автора въ Германіи, который бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной

ссоры; и Публика чищаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія!— Adieu, Г. Профессоръ!—

Я хотѣлъ-было видѣть Энгеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Милики*; но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, копорая, по чистотѣ и пвердоспи фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ копорыхъ надобно удивляться искусству рукъ человѣческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову *Familiengemählde* — піесу, копорая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть опъ того, что ее худо играли — и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней ролю дѣвки молошницы играла ша Акпри-са, копорая въ Донѣ Карлосѣ представляла Королеву: какое превращеніе! Однакожъ дѣвку молошни-

цу играетъ она лучше, нежели Королеву.

Берлинъ, Июля 7.

Нравственностъ здѣшнихъ жителей прославлена опчасти съ худой стороны. Г. Ц*** называетъ Берлинъ Содомомъ и Гоморомъ; однакожъ Берлинъ еще не провалился, и Небесной гнѣвъ не обращаетъ его въ пепелъ. Въ самомъ дѣлѣ Г. Ц***, писавъ сіе, забылъ, что во всѣхъ семьяхъ бывающъ уроды, и что по симъ уродамъ не лзя заключать о всей семьѣ. Мудрено и людямъ считаться между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, а городамъ еще мудренѣе. — Однимъ словомъ, есѣли бы Г. Лейбъ-Медикъ и Кавалеръ былъ неприспраспенъ; есѣли бы *нѣкоторыя* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за живое, то бы

онъ конечно не заговорилъ такимъ не-философскимъ, для Космополи-та и Филантропа оскорбитель-нымъ языкомъ.

Говоряшъ, что въ Берлинъ мно-го распутныхъ женщинъ; но естѣ-ли бы Правительство не терпѣло ихъ, то оказалось бы, можетъ бытъ, болѣе распутства въ семей-ствахъ — или надлежало бы вы-сласть изъ Берлина тысячи сол-датъ, множество холостыхъ, праз-дныхъ людей, которые конечно не по Руссовой системѣ воспитаны, и которые по своему соспоянiю не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ возвращенныя Берлинскія Вакханты какъ Фуріи бросились на одного несчастнаго Орфея, копорой уединенно гулялъ въ темнотѣ алей; опняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, естѣли бы подошед-шія люди не принудили ихъ раз-

бѣжапсья. Но когда бы рассказали мнѣ и пысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предаю бы анаѣемъ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говоряпъ, что они прудолубивы, и что самыя богатыя и знапныя люди не распочаюпъ денегъ на суешную роскошь, и соблюдаютъ строгую экономію въ сполѣ, плапѣ, экипажѣ, и проч. Я видѣлъ спарика Ф***, ѣдущаго верхомъ на такой лошади, на копорой бы, можетъ быть, и я поспыдился ѣхатъ по городу, и въ такомъ кафтанѣ, копорой сшипъ конечно въ первой половинѣ текущаго сполѣтія. Нынѣшній Король живепъ пыщнѣ своего предшеспвенника; однако жъ окружающіе его держатся по большой часпи старины. — Въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ много хорошо

одѣтыхъ молодыхъ людей; въ уборѣ
дамъ видѣнъ вкусъ.

Берлинъ, Июля 8.

Естьли бы изъ народной брани
можно было заключаешь о народномъ
характерѣ, то бы изъ schwer Noth
(*), любимаго Нѣмецкаго слова,
путешественникъ заключилъ, что
въ Нѣмцахъ много желчи; но что
бы тогда должно было заключить
изъ любимой брани нашего народа?

Здѣсь стоявъ на улицахъ наем-
ныя кареты, такъ какъ у насъ из-
возничьи дрожки или сани. За во-
семь грошей — что по нынѣшне-
му курсу составитъ 40 копѣекъ
— можно ѣхать въ городъ куда
угодно, только въ одно мѣсто.
Карета и лошади очень изрядны.

(*) Т. е. падающая болѣзнь.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда останавливаться въ первыхъ практикахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи. Тамъ есть всему опредѣленная цѣна, и лишняго ни съ кого не потребуютъ; а въ худыхъ практикахъ стараются взять съ васъ какъ можно болѣе, если примѣняятъ, что въ кошелекѣ вашемъ есть золото. У Г. Блума плачу я за обѣдъ, которой состоить изъ четырехъ блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15 коп., а за комнату въ день 50 коп. Наемной лакей всегда благодарилъ меня, когда я давалъ ему въ день полшину.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга стоить мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На обыкновенной почтѣ платятъ за милю 6 грошей или 30 копѣекъ; сверхъ того надобно давать поспилліонамъ на вино.

*За двѣ мили отъ Дрездена,
10 Юля, 1789.*

И такъ вашъ другъ уже въ Саксоніи!—Осьмага числа опправилъ я къ вамъ свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ еще побыть тамъ по крайней мѣрѣ недѣлю; но *l'homme propose, Dieu dispose*. Въ тотъ же вечеръ спало мнѣ такъ грустно, что я не зналъ, куда дѣваться. Бродилъ по городу, нахлучивъ себѣ на глаза шляпу, и проспью своею считалъ на мостовой камни; но грусть въ сердцѣ моемъ не утихала. Прошелъ въ звѣринецъ, переходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все было грустно. Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, остановясь въ концѣ длинной липовой алеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ пикомъ великолѣпії сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазуревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ

претью нашелъ его : — сказалъ :
поѣдемъ далѣе! и проспью своею
 провелъ на песокъ длинную змѣй-
 ку, подобную той, которую въ
Тристрамъ Шанди начертилъ
 Капралъ Тримъ (vol. VI. chap.
 XXIV), говоря о пріятностяхъ
 свободы. Чувства наши были ко-
 нечно сходны. Такъ, добродушной
 Тримъ! *nothing can be so sweet
 as liberty* (*), думалъ я, возвраща-
 ясь скорыми шагами въ городъ; и
 кто еще не запертъ въ клітку —
 кто можетъ, подобно ппичкамъ
 небеснымъ, быть здѣсь и шамъ,
 и шамъ и здѣсь — тотъ можетъ
 еще наслаждаться бытіемъ сво-
 имъ, и можетъ быть щасливъ,
 и долженъ быть щасливъ.

И такъ, не дожидаясь торже-
 ственнаго собранія Берлинской А-
 кадеміи, рѣшился я на другой день

(*) Т. е. ничего не можетъ быть прі-
 ятнѣе свободы.

ѣхашь. Мнѣ надлежало бы еще побывашь у Гр. К*, коюрая звала меня къ себѣ черезъ Господина М*; однакожъ и это не могло меня остановить. — Вечеръ провелъ я очень пріятно съ любезнымъ Д*, а на другой день по утру, укладъ свой чемоданъ и расплясь съ Господиномъ Блумомъ, отправился въ Саксонію — на ординарной почтѣ, въ открытой коляскѣ, съ двумя Спуденшами и однимъ молодымъ Лейпцигскимъ купцомъ.

Съ другой перемены побѣжалъ я на пакъ называемой экспрессной почтѣ. Въ проклятой Нѣмецкой фурѣ пакъ распрясло меня, что и теперь чувствую боль въ груди. Сверхъ того оспался у меня на щекѣ рубецъ, и я долженъ еще благодарить Судьбу, что глаза мои цѣлы. Надобно знать, что дорога къ Саксонскимъ границамъ идетъ по большой части лѣсомъ; а какъ почтовая коляска открыта и очень

высока, по сидящіе въ ней безпрестанно должны нагибаться, чпобы не зацѣпиться головою за дерева. Ввечеру я задремалъ, и схватилъ опѣ какого-то вѣпъвиспаго дерева такую пощечину, чпо у меня искры изъ глазъ посыпались. Все эпо вмѣспѣ заставляло меня проспиться съ веселыми Спуденшами.

Экспрессная почта спойспѣ почти вчепверо дороже ординарной. Мнѣ даюспѣ пару лошадей съ колясочкою, и беруспѣ съ меня за милю по талеру (120 коп).

Саксонскіе поспилліоны опмѣнены опѣ Прусскихъ только цвѣпомъ своихъ кафпановъ (на послѣднихъ синіе съ краснымъ воропникомъ, а на первыхъ желтые съ голубымъ); впрочемъ они такъ же жалѣюспѣ своихъ лошадей, такъ же любяспѣ пипъ въ корчмахъ, и такъ же грубы.

Дороги въ Саксоніи очень дурны,

и опѣ Берлина до сего мѣста не
вспрѣчалось глазамъ моимъ ни од-
ного пріятнаго вида; только зем-
ля здѣсь, кажется, лучше обрабо-
тана, нежели въ Бранденбургѣ.
По крайней мѣрѣ извѣстно по,
что Саксонскіе земледѣльцы во-
обще гораздо богаче Пруссикъ.

Я долженъ описатьъ вамъ одну
вспрѣчу, которая оставила во мнѣ
пріятныя впечатлѣнія.

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ
городкѣ, гдѣ я нынѣ въ полдень
перемѣнялъ лошадей, Почтмей-
стеръ не отправлялъ меня очень
долго. Я прохаживался по двору,
и думалъ — не знаю, о чемъ. Знаю
только, что спукъ коляски, подѣ-
бжавшей къ крыльцу почтоваго
дома, перервалъ нить моихъ мы-
слей. Я вошелъ на крыльцо, и у-
видѣлъ молодую, прекрасную, нѣж-
ную, бѣлокурую женщину, — въ
маленькой черной шляпкѣ, въ А-
мазонскомъ зеленомъ плащѣ, съ

бѣлымъ плашкомъ въ рукахъ, —
 вышедшую изъ коляски съ пожи-
 лымъ, горбатымъ, долгоносимъ му-
 щиною, котораго изображеніе бы-
 ло бы не послѣднею піесою между
 Гогардскими каррикапурами. Онъ
 подалъ ей руку, и когда они про-
 ходили мимо меня, я снялъ шля-
 пу и поклонился красавицѣ, —
 правда, не очень низко, для того,
 чобы ни на секунду не выпустилъ
 изъ глазъ прелестней лица ея. На-
 добно думать, что взоръ мой спо-
 илъ комплиментъ: на меня взгля-
 нули умильно, и даже ласково!
 Почпмейсперъ вспрѣшилъ госпей
 въ сѣняхъ, опвелъ имъ комнапу,
 и самъ побѣжалъ за ключевою во-
 дою, въ которой имѣла нужду кра-
 савица для освѣженія своихъ пре-
 лесней. Дверь запворилась, и я
 оспался одинъ въ сѣняхъ. Но раз-
 вѣ эта дверь не опворяется! взду-
 малъ я, и пихонько опворилъ ее.
 Красавица спояла передъ зерка-

ломъ, и бѣлымъ плашкомъ опира-
 ла пыль съ бѣлаго лица своего ; а
 соупникъ ея сидѣлъ на креслахъ
 и зѣвалъ. Извинише, сказалъ я : у
 меня здѣсь оспалась книга. Гор-
 батой кавалеръ кивнулъ головою,
 и указалъ мнѣ книгу мою, копо-
 рая лежала на столѣ. Красавица
 отворопилась отъ зеркала, и взгля-
 нула на меня такими быспрыми,
 проницательными глазами, что я
 вѣрно бы покраснѣлся, еспьли бы
 у меня что нибудь дурное было
 на мысли; но я съ спокойствіемъ
 невинности смотрѣлъ на ея пре-
 красные голубые глаза, на ея пра-
 вильной Греческой носъ, на ея
 розовыя губы и щеки, и любовал-
 ся прелестями ея пакъ, какъ мо-
 лодой ваятель любуется Микель-
 Анжеловою статуею, или живо-
 писецъ Рафаелевою картиною. —
 Красавица сѣла, а я стоялъ про-
 тивъ нее, и все еще не бралъ сво-
 ей книги. „День очень жарокъ,“ —

сказала она пріятнымъ голосомъ, взглянувъ на своего соупника и на меня. Онъ зѣвнулъ, а я повторилъ ея слова: „день очень жарокъ.“ Тутъ послѣдовало молчаніе. Зная, что женщины въ *рѣшительныхъ* случаяхъ жизни никогда не говорятъ перваго слова, я спросилъ наконецъ: „не въ Дрезденъ ли вы ѣдете, сударыня?“ — „Нѣтъ, оповѣчала она: мы ѣдемъ въ деревню къ своему пріятелю. А вы конечно сами въ Дрезденъ ѣдете?“ — Такъ, сударыня: я надѣюсь быть тамъ завтра очень рано. — „Вы конечно иностранецъ, еспльи смѣю спросить?“ — Такъ, сударыня. — „Конечно Англичанинъ? потому что Англичане хорошо говорятъ по-Нѣмецки.“ — Извините, сударыня: я Москвитининъ. — „Москвитининъ? Ахъ, Боже мой! я еще отъ роду не видывала Москвитянъ.“ — А я видалъ, сказалъ горбашой кавалеръ,

и началъ снова зѣвать. — „Да скажите пожалуйста, какъ вы къ намъ заѣхали?“ — Изъ любопытства, сударыня. — „Надобно, чшобы вы были очень любопытны. Бѣдь вы конечно оставили въ опечесствѣ своемъ много любезнаго?“ — Много, сударыня, много: я оставилъ опечесство и друзей. — Не знаю, до чего бы мы съ нею договорились, еспьли бы не пришелъ Почтмейстеръ съ водою, и не сказалъ мнѣ, что коляска моя готова. Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щаспливаго пущи. — „И шолько?“ — Чшожь дѣлать! Не хочу лгать.

Прекрасной лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина — однимъ словомъ, все прекрасное меня радуешъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его. Образъ милой Саксонки остался въ моихъ мысляхъ, къ украшенію карпинной галлерей моего воображенія. —

На сей послѣдней перемѣнѣ я рѣ-
шился ночевать. Теперь бьетъ 10
часовъ. Въ четыре меня разбудятъ.

Дрезденъ, 12 Июля.

Утро было прекрасное; пшички
пѣли, и молодые олени играли на
дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся
мнѣ Дрезденъ, на большой доли-
нѣ, по которой течетъ крошечная
Эльба. Зеленые холмы на одной
сторонѣ рѣки, и величественной
городъ, и обширная плодоносная
долина, составляющъ великолѣп-
ной видъ. — Съ пріятными чув-
ствами вѣхалъ я въ Дрезденъ, и
при первомъ взглядѣ показался онъ
мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ пракширѣ на
почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, по-
шелъ къ Господину П*, къ копо-
рому было у меня письмо изъ
Москвы. Онъ принялъ меня очень

ласково, и вызвался-было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденѣ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, по мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо шире. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35000: очень не много по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленіе объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платятъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія,

произведеннаго въ Дрезденѣ Прусскими ядрами въ 1760 году. — Съ часъ споялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемой *новой городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсмаприваніемъ пріятной каршины, копорую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы. — Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ споронахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновенія.

Господинъ П* хотѣлъ, чшобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ вспрѣшила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Вотъ все мое семейство! сказалъ мнѣ Господинъ П* — и я поцѣловалъ руку у шой и другой. Обѣдъ былъ самой умѣренной, од-

накожь и не голодной. Хозяинъ и хозяйка спрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П* хоща и не естъ. Ученой, однакожь много читалъ; и за бутылкою стараго Рейнскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о твореніяхъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Поэтовъ. Милостивая Шарлотта по большой части молчала, но взоры и улыбки ея были краснорѣчивы. Послѣ обѣда она играла на клавесинѣ, хоща въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожь не безъ пріятности. — Отъ нихъ пошелъ я въ славную карпинную галерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ при часахъ, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотишь; не при часахъ, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно на то, чтобы хоро-

шенъко осмопрѣтъ сію галлерію.
Я разсмапривалъ со вниманіемъ
Рафаелеву (*) Марію (копорая

(*) Рафаель, глава Римской школы, признанъ единогласно первымъ въ своемъ искусствѣ. Никто изъ живописцевъ не вникалъ столько въ красоты антиковъ, никто не учился Анапоміи съ такою прилѣжностію, какъ Рафаель — и пошому никто не могъ превзойти его въ рисовкѣ. Но знанія, копорыя симъ средствомъ приобрѣлъ онъ въ формѣ человѣческой, не сдѣлали бы его такимъ великимъ живописцемъ, еспьли бы Натура не одарила его творческимъ духомъ, безъ копорого живописецъ есть ничто иное, какъ бѣдной копистъ. Небесный огонь оживляетъ черны кисти его, когда онъ изображаетъ Божество; въ чертахъ Героевъ его видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Венеры или Роксаны умѣлъ онъ соединить всѣ женскія прелести, а въ образѣ Маріи красоту, невинность и свящосшь.

держишь на рукахъ Младенца, и передъ копорою стояшь на колѣняхъ Св. Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву (*) *ногъ*, о копорою

Лица Тирановъ, имъ изображенныя, приводяшь въ ужасъ; въ лицахъ мучениковъ его надобно удивляться живымъ чертамъ небеснаго терпѣнія. — Правда, что картины его неравной цѣны; послѣднія несравненно превосходятъ первыхъ. Преображеніе Христово считается лучшимъ его произведеніемъ. — Сей великой художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, отъ чрезмѣрной склонности къ женскому полу, склонности, копорою вовлекла его въ распутство. Онъ родился въ Урбино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

(*) Корреджіо, первой Ломбардской живописецъ, почли безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не выѣзжавъ никогда изъ своего опечества, и не выдавъ почти никакихъ хорошихъ картинъ, ни антиковъ.

столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляющ-

Кисть его ставится въ примѣръ нѣжности и пріятности. Рисовка не совсѣмъ правильна, однакожь искусна; головы прекрасны, а краски несравненны. Нагое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его говорящъ. Однимъ словомъ, картины его отменно милы даже и для незнапковъ; и еспли бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя творенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то онъ былъ бы конечно правильнѣе въ рисовкѣ, и превзошелъ бы, можетъ быть, самого Рафаеля.—Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скромнѣ, доволенъ малымъ и чело-вѣколюбивъ. Причина его смерти доспойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жарокъ, и ему надлежало перейти чепыре мили. Радуюсь тому, что полученными деньгами можетъ на нѣкоторое вре-

II.

ся смѣси свѣта со тьмою; Микель-Анджелову (*) каршину, пред-

мя вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но пришедши домой, занемогъ горячкою, которая черезъ нѣсколь-ко дней скончала жизнь его. Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

(*) Микель-Анджело былъ великой Архитекторъ, живописецъ и рѣщикъ. Построенный имъ куполъ церкви Св. Петра служилъ доказательствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Что принадлежалъ до картинъ его, то онъ не столько пріятны, сколько удивительны; для того что онъ всегда хотѣлъ представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомію, старался онъ слишкомъ сильно означать мускулы въ своихъ фигурахъ; а пѣло писалъ всегда кирпичнаго цвѣта. Но если Микель-Анджело не первой живописецъ по своей кисти, то едва ли кто нибудь превзошелъ его въ рисовкѣ. — Въ Скульптурѣ былъ онъ, кажет-

спавляющую осужденнаго на
смерть человека, и вдали городъ;

ся, еще искуснѣе. Его Купидонъ,
Бахусъ и молодой Сапиръ, счита-
ются лучшими твореніями сего
художества. — Микель - Анджело
былъ оспроуменъ. Когда Пана Юлій
спросилъ у него съ неудовольстві-
емъ, для чего онъ въ писанныхъ
имъ картинахъ изъ Вепхаго Завѣ-
та не употребилъ золота, по при-
мѣру старинныхъ живописцевъ: то
онъ съ покорнымъ видомъ отвѣ-
чалъ, что святые мужи, имъ изо-
браженные, считали блескъ одежды
за ложное украшеніе человека. Же-
лая дать знать Рафаелю, что онъ
видѣлъ въ Фарнезскихъ палацахъ
картину его, Галашею, начершилъ
онъ углемъ на стѣнѣ Фаунову го-
лову, которую и нынѣ тамъ пока-
зываютъ. Рафаель, увидѣвъ ее, ска-
залъ, что никто, кромѣ Микеля-
Анджело, не могъ начерпнуть та-
кой головы. — Показывая Микель-
Анджелову картину распятія Хри-
стова, рассказываютъ всегда, буд-

картины Юлія Романа (*): Пана , копорой учипѣ на флейпѣ молодого паспуха; играющую Цецилію, окруженную Свящыми, и проч.—

то бы онѣ , желая естествомѣ представипѣ умирающаго Спасителя , умертвилѣ человека , копорой служилѣ ему моделью; но анекдотѣ сей совсѣмѣ невѣроященѣ. — Онѣ родился въ 1474 , а умерѣ въ 1564 году.

(*) Юлій Романѣ, лучшій Рафаелевѣ ученикѣ , имѣлѣ плодотворное воображеніе , и былѣ весьма искусенѣ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его вообще очень хороши. Только жаль, что онѣ слѣдовалѣ антикамѣ болѣе, нежели Натурѣ ! Можно сказать , что рисунки его слишкомѣ правильны , и опѣ того всѣ его лица слишкомѣ единообразны. Тѣло писалѣ онѣ кирпичнаго цвѣта , такѣ какѣ Микель-Анджело , и краски его вообще темны. Онѣ родился въ 1492, а умерѣ въ 1546 году.

Веронезовы (*): воскресеніе, похищеніе Европы, и проч. — Карач-

(*) Карпины Павла Веронеза превосходны по живоспи и пріятности фигуръ, и по свѣжести красокъ. Напура была образцемъ его; однакожь, какъ великой художникъ, умѣлъ онъ исправлять ея недоспашки. — Между прочимъ рассказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, въ окрестностяхъ Венеціи, застала его на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ принужденъ былъ требоваъ убѣжища въ загородномъ домѣ Прокурадора Пизани, который принялъ его такъ ласково и дружественно, что живописецъ не могъ выѣхать отъ него нѣсколько дней. Въ то время написалъ онъ шихонько Даріеву фамилію (картину, на которой изображены двадцать фигуръ во весь ростъ) и спрячалъ ее подъ кровать; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ своей благодарности за его угощеніе. —

чіевы (*): Генія славы, лепящаго по воздуху; Марію со младенцемъ, Матѣеємъ и Іоанномъ, и проч. — Тинторетовы (**): Аполлона съ

Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

(*) Немногіе изъ живописцевъ имѣли такое плодотворное воображеніе, какъ Аннибалъ Караччи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ; а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ въ Римѣ, и самыя краски очень хороши. Лучшее произведеніе его кисти есть Фарнезская галлерей въ Римѣ, надъ копорою онъ восемь лѣтъ трудился, и за которую заплашили ему весьма худо, для того, что у него было много завистниковъ и непріятелей. Онъ родился въ 1560, а умеръ въ 1609 году. Его погребли подлѣ Рафаеля, копорого онъ любилъ болѣе всѣхъ живописцевъ.

(**) Тинторетъ, Венеціанской живописецъ, старался въ своихъ картинахъ соединить вкусъ Микеля - Ан-

Музами, паденіе Ангеловъ, и проч.
 — Бассановы (*): Израильской народъ въ пустынь, Ноево семейство, и проч. — Джіордановы (**):

джело съ Тиціановымъ: п. е. первому подражалъ онъ въ рисункахъ, а вшорому въ краскахъ. (Тиціанъ счищается первымъ колориспомъ въ свѣтѣ). Картины его весьма неравной цѣны, и пошому говорили объ немъ, что онъ пишешъ иногда золошою, иногда серебряною, а иногда желѣзною кистію. Онъ родился въ 1512, а умеръ въ 1594 году.

(*) Въ Бассановыхъ картинахъ надобно удивляться живости красокъ; а въ рисовкѣ былъ онъ не весьма искусенъ, подобно всѣмъ Венеціянскимъ живописцамъ. Тѣло писалъ очень живо, а плащъ не хорошо. Ландшафты его прекрасны. — Онъ родился въ 1570, а умеръ въ 1592 году.

(**) Во всѣхъ Джіордановыхъ картинахъ видна опимѣнная легкость ки-

похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч. — Розовы (*): собственнѣйшей его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій спарикъ

спи; но какъ онъ писалъ слишкомъ много, то почти все картины его не додѣланы, и вообще рисовка не очень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самыя знаменитыя иногда обманывались, и принимали его подражаніе за оригиналъ. — Онъ родился въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

(*) Салваторъ Роза, Неаполитанской живописецъ, писалъ лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигуры его по большей части неправильны; однакожь въ нихъ видна смѣлая кисть и оптимънная живость. Деревя, горы и вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Онъ родился въ 1615, а умеръ въ 1673 году.

говоритъ съ двумя стоящими — Пуссенева (*) : Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими нимфами и съ Нарциссомъ, копорой смогся въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая Нимфа, копорую разсмапривающъ изъ за-дерева двое муцинъ — Рубенсовы (**): сидящую Марію съ

(*) Въ картинахъ Николая Пуссеня, славнаго Французскаго живописца, видны высокія мысли и живое выраженіе спрасней ; рисовка его правильна, но краски не очень хороши. Въ семъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ, копорые вообще не уважающъ колорита. Ландшафты его прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

(**) Рубенсъ по справедливости называется Фландрскимъ Рафаелемъ. Какой піиической духъ виденъ въ его картинахъ ! какія богатыя мысли ! какое согласіе въ цѣломъ ! какія живыя краски, лица, плашья ! Онъ никакъ не хотѣлъ подражать анти-

II.

Младенцемъ, которому Ангелы по-
дають плоды ; спрашныи Судъ,
Христа спящаго на кораблѣ во
время бури, похищеніе Прозерпи-
ны, пьянаго Силена съ Нимфами,
Венеру съ Адонисомъ, наказываема-
го Купидона, котораго одна жен-
щина держитъ на рукахъ, а дру-
гая съчепъ лозою; Нептуна, укро-
щающаго море, и проч. — Фанъ

камъ, и писалъ все съ натуры. Къ
совершенству его картинъ не до-
стигаетъ только той правильности
въ рисовкѣ, которою славится Рим-
ская школа. — Рубенсъ способенъ
былъ не только къ живописи, но и
къ важнымъ государственнымъ дѣ-
ламъ, и будучи Посланникомъ въ Ан-
глию, умѣлъ согласить Карла I на
миръ съ Гишпаніею. Возвратясь во
Фландрію, женился онъ на Еленѣ
Форманъ, славной красавицѣ, кото-
рая часто служила ему моделью.
Онъ родился въ 1577, а умеръ 1640
году.

Диковы (*) изображенія Королей Карла II и Якова II; Іеронима, у ногъ котораго лежишь левъ, и проч. — и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочешь ихъ взять. — Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую галерею изъ

(*) Фанъ Дикъ, Рубенсовъ ученикъ, есть конечно первой поршрешной живописецъ въ свѣтѣ. Колоритъ его не уступаетъ Рубенсову; головы и руки писалъ онъ прекрасно. Но для исторической живописи былъ уже не такъ способенъ, для того что не имѣлъ Рубенсова пишическаго духа. Король Карлъ I призывалъ его въ Англію, гдѣ онъ могъ бы обогатиться опъ своей работы, есшъли бы жилъ умѣреннѣе и не прилъпился къ Алхиміи. Онъ родился въ 1599, а умеръ въ 1641 году.

Моденской, на прим. Корреджіева *ногъ*. Августъ III, Польской Король, былъ великой любитель живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзирапель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли изъ галлерей картинъ десять, и припомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ щасію, воровъ скоро опыскали, и картины возвращались на прежнее свое мѣсто. — Выходя, вручилъ я Господину Надзирапелю Голландской червонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gewölbe), или собраніе драгоценныхъ камней, копорому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чпобы взглянуть на эпопѣ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфирста и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно

заплашишь Голландской червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знапной Французъ, смотря на камни, сказалъ Курфирсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлерей и зеленой кладовой прешія примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякой путешественникъ, имѣющій нѣкоторое пребываніе на ученость, считаеиъ за должность видѣть ее, т. е. взглянуть на ряды переплеченныхъ книгъ и сказаъ: *какая огромная библіотека!* — Между Греческими манускриптами показывающъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ библіотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Машпеемъ; за сей манускрипъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ Курфирста около

1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ Г. Машпей доспалъ сіи рукописи?

Ввечеру гулялъ я въ саду, которой называется Zwinger Garten, и которой хотя не великъ, однако жъ пріятенъ. Посланника нашего нѣтъ въ Дрезденѣ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

Июля 12.

Нынѣ поутру вошелъ я въ придворную Каполицкую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣшныя руки Священниковъ — все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторой восхитительной трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизре-

ченнаго. Ноги мои подогнулись; я спалъ на колѣни и молился ошъ всего сердца.

Юля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодого Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а опшуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемой *большой садъ*. Длинная алея вывела меня на обширной зеленой лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за-котораго выспавляющся кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами; вездѣ вокругъ меня расплались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце крошкими лучами сво-

ими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! — Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная Природа!* и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щасливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ, былъ такъ добрѣ и такъ благодаренъ прошивъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвращаясь въ сѣверное, опдаленное опечесство мое, въ ча-

сы уединенія буду воспоминашь
прошедшее!

Мейсенъ, Юля 13.

Я рѣшился нынѣ поупру ѣхать
въ Лейпцигъ въ публичной почто-
вой коляскѣ (которая называется
желтою, Gelbe Kutsche, для то-
го что обита желтымъ сукномъ).
Въ десять часовъ надлежало намъ
отправиться. Отдавъ свой чемо-
данъ Шафнеру (такъ называется
въ Саксоніи проводникъ почты),
и сказавъ ему, что буду дожидать-
ся коляски на дорогѣ, пошелъ я
изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 ча-
совъ утра. Наемной слуга согла-
сился за нѣсколько грошей быть
моимъ путеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ
города; но вышедши, почти на каж-
домъ шагу останавливался и лю-
бовался прекрасною Напурою и

плодами прудолюбія. Дорога и-
деиъ вдоль по берегу Эльбы. На
лѣвой сторонѣ за рѣкою видны
горы, покрышыя частымъ зеле-
нымъ березникомъ и ольхами; а
на правой плодоносная равнина съ
полями и деревеньками, копорую
въ опдаленіи ограничиваюшъ вино-
градные сады.

Какъ ясно было небо, такъ я-
сна была душа моя. Я видѣлъ ве-
здѣ благоденствіе, щастіе и миръ.
Пшички, копорыя порхали и пла-
вали по чистому воздуху надъ
головою моею, изображали для
меня веселье и безпечность. Онѣ
чувствуюшъ бытіе свое, и наслаж-
дающся имъ! Каждой поселянинъ,
идуцій по лугу, казался мнѣ бла-
гополучнымъ смерпнымъ, имѣю-
щимъ съ избыткомъ все то, что
попребно человеку. Онѣ здоровѣ
прудами — думалъ я — веселѣ и
щаспливъвъ часъ опдохновенія, бу-
дучи окруженъ мирнымъ семей-

спвомѣ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтеть душа его. — Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою паспушкою. Она спѣвши къ своему паспуху — думалъ я — копорой ожидаетъ ее подлѣ тѣни кашпановаго дерева, — тамъ, на правой сторонѣ, близъ виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ электрическое потрясеніе въ сердцѣ, вспааетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжитъ онъ на встрѣчу къ ней! Паспушка улыбается; идетъ скорѣе, скорѣе — и бросается въ опверстыя объятія милаго своего паспуха. — Потомъ видѣлъ я ихъ (разумеется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни кашпановаго

дерева. Они цѣловались какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогѣ, и дождался почтовой коляски. У меня было довольно поварищей; между прочими Магистеръ, или деревенской Проповѣдникъ, въ рыжемъ парикѣ, и двое молодыхъ Спудентовъ, Лейпцигской и Прагской, которой сидѣлъ подлѣ меня, и пошчасъ вспунилъ со мною въ разговоръ— о чемъ, думаете вы? Непосредственно о Мендельзоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ. „Федонъ, сказалъ онъ, есть можетъ быть самое остроумнѣйшее философическое сочиненіе; однако жъ всѣ доказательства безсмертія нашего основываютъ Авторъ на одной гипотезѣ. Много вѣроятности, но нѣтъ увѣренія; и едва ли не тщетно будемъ искать его въ швореніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ!“ — Надобно искать его въ сердцѣ, сказалъ я. — „О! го-

сударь мой! возразилъ Спудентъ: *сердечное* увѣреніе не есть еще *философическое* увѣреніе; оно ненадежно; теперъ чувствуете его, а черезъ минушу оно исчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Надоно, чшобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ копорыхъ заключающся всѣ вѣчныя необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Метафизикъ въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампы, забывая сонъ и отдохновеніе. — Ежели бы могли мы узнатьъ точно, что такое есть душа *сама въ себѣ*, то намъ все бы открылось; но“ — — — Тутъ вынулъ я изъ записной книжки своей одно письмо добраго Лафатера, и прочиталъ Спуденту слѣдующее:

„Глазъ, по своему образованію,

„не можетъ смотрѣть на себя безъ
 „зеркала. Мы созерцаемся только
 „въ другихъ предметахъ. Чувство
 „бытія, личность, душа — все сіе
 „существуетъ единственно по
 „тому, что въ насъ существу-
 „етъ, — по феноменамъ или явле-
 „ніямъ, которыя до насъ касаю-
 „ся.“ — Прекрасно! сказалъ Спу-
 денсъ, — прекрасно! Но если
 думаетъ онъ, что“ — — Тутъ ко-
 ляска остановилась; Шафнеръ оп-
 ворилъ дверцы и сказалъ: „Госпо-
 жи и господа! извольте обѣдать.“

Мы вошли въ прачпиръ, гдѣ уже
 накрытъ былъ столъ. Намъ пода-
 ли пивной супъ съ лимономъ, часть
 жареной телятины, салатъ и ма-
 сло, — за что взяли послѣ съ каж-
 даго копѣекъ по сороку.

Дорога до самаго Мейсена очень
 пріятна. Земля вездѣ наилучшимъ
 образомъ обработана. Виноградные
 сады, которые сперва видны бы-
 ли въ отдаленіи, подходящъ бли-

же къ Эльбѣ, и наконецъ только одна дорога отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тупѣ стоятъ перпендикулярно огромныя граничныя скалы. Нѣкоторыя изъ нихъ—чего не дѣлаютъ трудолюбіе!—покрыты землею и превращены въ сады, въ которыхъ родится лучшій Саксонскій виноградъ. — На другой сторонѣ Эльбы представляются развалины разбойничьихъ замковъ. Тамъ гнѣздятся нынѣ летучія мыши, свисаятъ и воютъ въ пещеры.

Одинъ древній Поэтъ сказалъ:

*Est locus, Albiacis ubi Misna rigatur
ab undis*

Fertilis et viridi totus amoenus humo.

Въ этомъ мѣстѣ теперь я. — — Мейсенъ лежитъ частью на горѣ, частью въ долинѣ. Окрестности прекрасны; только городъ самъ по себѣ очень не красивъ. Улицы не ровны и не прямы; дома всѣ готическіе, и показываютъ странной вкусъ прошедшихъ вѣковъ.

Главная церковь есть большое зданіе, почтенное своею древностію. Старой дворецъ возвышается на горѣ. Нѣкогда воспитывались тамъ Герои опѣ племени Вишпекиндова (сего славнаго Саксонскаго Принца, копорой споль храбро защищалъ свободу своего опечества, и копораго Карлъ Великій побѣдилъ не оружіемъ, а великодушіемъ своимъ). Нынѣ въ семъ дворцѣ дѣлають славной Саксонской фарфоръ. Чпобы видѣть фабрику, надобно выпросить билетъ у главнаго Надзирашеля.

Г. Маппей былъ нѣсколько лѣтъ Дирекпоромъ здѣшней школы; но недѣль за шесть передъ симъ оспавилъ Мейсенъ и уѣхалъ въ Вишпенбергъ. Ему конечно вездѣ дадутъ мѣсто. Онъ считается въ Германіи однимъ изъ лучшихъ Филологовъ.

Надобно садиться въ коляску, и проспирься съ перомъ до Лейпцига.

Лейпцигъ, Іюля 14.

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, крошкая и величественная въ своемъ теченіи, журчитъ на правой сторонѣ; а на лѣвой возвышающіяся скалы, увѣнчанныя зеленымъ кустарникомъ, изъ за - котораго въ разныхъ мѣстахъ показываются сѣдые мшистые камни.

Отвѣхавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскимъ Студентомъ изъ коляски, которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса женамъ ли я? Студентъ мой началъ говорить о женщинахъ, и при томъ не въ похвалу ихъ. „На гробъ друга моего — сказалъ онъ — друга, коимъ пошелъ въ землю отъ несчастной любви къ одной вѣтренной, легкомысленной женщинѣ, клялся я удаляться отъ этова опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю

мою душу — и, благодаря Бога! могу быть щастливъ самъ собою.“

— Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Спали находить облака, и мы съѣли опять въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ Спуденшомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистеръ брался все рѣшить; но, по мнѣнію Спуденша, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. „Наконецъ я долженъ вспомнить— сказалъ онъ, попирая рукою свой красной лобъ— что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ которой ничего влить не лзя; или желѣзному шару, въ которой ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ“ — — И такія головы, перервалъ Спуденшъ, часто бывають покрыты рыжими париками, и порчають на кафедрахъ. — Госу-

дарь мой! закричалъ Магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите? — О пѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорите начали, — спокойно опвѣчалъ Спудентъ. Лучше замолчать, сказалъ Магистеръ. — Какъ вамъ угодно, опвѣчалъ Спудентъ.

Между пѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечернія молитвы нестройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Спудентъ потчасъ приспалъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, запрянули такое *дуо*, что надобно было зажать уши. — Къ ща-спію, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ.

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣняя лошадей, и когда спали выходить изъ коляски, чтобы иппи въ трактиръ пить кофе,

Магистеръ хвапился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ, и не могши найши, поднялъ крикъ и вопль : „Куда онъ дѣвался ! Какъ мнѣ быть безъ него ! какъ я бѣдной покажусь въ городъ ! “—Онъ приступилъ къ Шафнеру, и требовалъ, чшобы парикъ его непременно былъ опысканъ. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейпцигской Спудентъ пирански смѣялся надъ горестію бѣднаго Магистера, и наконецъ, какъ будто бы сжался надъ нимъ, совѣщивалъ ему поискавъ у себя въ карманахъ. Чего шупъ искавъ ! сказалъ онъ; однако жъ опустилъ руку въ карманъ своего кафшана, и — выпащилъ парикъ. Какая минуша для живописца ! Магистеръ опъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою, и не могъ сказаъ ни одного слова. „Вы ищете за милю того, чшо у васъ подъ носомъ“—сказалъ ему

Шафнеръ съ сердцемъ ; но душа его была въ сію минуточку такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила еспльи не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то есть (сообразно съ Боннеповою гипопезою о происхожденіи идей) не пронувъ въ его мозгу никакой новой или *дѣвственной* фибры (*fibre vierge*). Конечно долѣе минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ туда, о томъ вѣдаешь Сапана и — — Тупъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Спуденса и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за

нѣсколько лѣтъ передѣ симѣ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце!—Но Судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, *какъ бы* я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и *какъ* я провелъ ихъ, чувствую горестъ въ сердцѣ и слезы въ глазахъ.— Не лзя возвратить потеряннаго! —

Въ эти тѣ года ноги. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, рассказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ,—о своемъ безкорыстїи, честности и проч. „Всѣ тѣ, которые жили у меня — говорилъ

онѣ—были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна—а у кого покойна совѣсть, тотъ щасливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ“— — Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и Г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. „Ничего, отвѣчалъ онъ запинаясь, ничего; только надобно зашворишь окно, чтобы не было сквознаго вѣтру.“

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыжалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблispала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло, солнце снова освѣпило небо и землю, и пракпиріцикъ мой опять началъ говорить о неустра-

шимоспи того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

За ужиномъ познакомился я съ Гм. фонъ - Клейсломъ, копорой служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ непріятнымъ обстоятельствомъ долженъ былъ оставишь Пруссію, и копорой, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки льстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь пріятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами.— Ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

Юля 15.

Нынѣ познакомился я съ Гм. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ копорому было у меня письмо изъ

Петербурга отъ Ш * *, Англійскаго купца, и копорой, принявъ меня учпиво, взялъ на себя продать здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнявъ на Французской. — Отъ него зашелъ я въ теологическую Аудиторію; видѣлъ множество присущствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, поспоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденіями. Собственно такъ называемой городъ очень не великъ, но съ предмѣстіями, гдѣ много садовъ, занимаеиъ уже довольное пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежиъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, такъ сказать,

убрачы полями, садами, рошицами и деревеньками, то взоръ находитъ шупъ довольно разнообразія, и не скоро утомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первыя можно уподобить таковой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія таковой, копорая всѣмъ же нравишся, но только *тихо*; копорую всѣ же хвалятъ, но только безъ воспорга; о копорой съ крошкимъ, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она миловидна!*

Домы здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большой части въ чепыре эшажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣшіе не бояшся бытъ раздавлены!

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюднаго города, какъ

Лейпцигъ. Торговля и Университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ. —

Послѣ обѣда былъ я у Г. Бека, молодаго, но весьма уважаемаго, по его знаніямъ и талантамъ, Профессора. Я отдалъ ему письмо къ Магистеру Р*, копорой у него жилъ, но копораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ разсказалъ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передъ симъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобъ быть Проповѣдникомъ въ его деревнѣ; но что пріѣхавъ туда, нашелъ онъ много препяшствій со стороны Духовныхъ; что ему надлежало выдержатъ преспрогой экзаменъ, на копоромъ спарались его разбишь и запушать въ словахъ; что онъ, вышедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелалъ высокоученымъ своимъ испытателямъ поболѣе любви къ

ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромной человѣкъ, оспорожной въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою пріятностію. Онъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія Аббата Баршелеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ Французскіе Императоры преклонили колѣна свои, и признали, что древняя Греція, споль для насъ любопытная—Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы—никогда еще не была описана споль совершенно. Геттингенской Профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знапоковъ Греческой Импературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геттингенскихъ Ученыхъ Бѣдомоспяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г.

Бекъ съ великимъ неперпѣніемъ
ожидаеиъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ такъ не славенъ, какъ Докторъ Плапнеръ, Эклектической Философъ, которой ищетиъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ; которой на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или пропиворѣчиетиъ и тому и другому. Онъ умѣетиъ писатиъ ясно, и кто хотяиъ нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метифизикою, тотъ легко можеиъ пониматиъ его. *Афоризмы* его весьма уважающяся, и человеку, хотяиъщему пусиипсь въ лабиринтиъ философскихъ системъ, могутъ онъ служииъ Ариадниною нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣиъ, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему. Онъ живеиъ за городомъ въ саду. Въ алеѣ встрѣшилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказа-

ла, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ — высокой, сухощавой чело-вѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ оспры-ми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. „Я уже слы-шалъ объ васъ опѣ Г. Клейсга“ — сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. „Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма; зав-тра, въ этою часъ, прошу васъ къ себѣ“ — и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кла-нялся, подвигаясь къ дверямъ. „Ка-кой, или какимъ наукамъ вы осо-бенно себя посвящали?“ спросилъ онъ. *Изяснымъ*, отвѣчалъ я, и покраснѣлъ, — знаю, опѣ чего — можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Ввечеру я бродилъ по садамъ и по аллеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ кор-сетѣ, лѣтъ двѣнадцати, подала

мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очень полюбилось. Я извѣявилъ ей свою благодарность двумя грошами!!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллершовъ монументъ, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженной, вспомнилъ я то щасливое время моего ребячества, когда Геллершovy басни соспавляли почти всю мою Библіотеку; когда, читая его *Инке* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ * *, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллершовымъ лекціямъ (*Moralische Vorlesungen*), съ жаромъ говаривалъ: „Друзья мои! будьте таковы, какими учили васъ бытъ Геллершъ, и вы будете щасливы!“ Воспоминанія распрога-

ли мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ кѣ картинѣ: довольно пѣни! И что еще въ будущемъ ожидаетъ меня?

Я пошелъ изъ саду въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллерт-пу учениками и друзьями его другой памятникъ, представляющій Религію, копорая изъ мепалла вылипой и лаврами увѣнченной образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!). Обѣ спатуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: „Сему учителю и примѣру добродѣтели и Религіи посвятило сей памятникъ общество друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ.“—Пріяпно, восхищительно для всякаго чувствительнаго сердца видѣть такія надписи, и знать, что не лесъ, а истина начерпала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллерта,

единогласно называли его мужем добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, копорые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считающъ добродѣтель за одно пустое имя, — и тѣхъ, копорые утверждающъ, что Религія не дѣлаетъ людей лучшими. „Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго—говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ—всѣмъ обязанъ я Христіянству.“ — Описаніе его жизни заключается сими словами: „Невѣрно по удивленіе и безсмертіе, котораго ожидающъ могущъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ націй перемѣняется со временемъ; но честъ его нравственнаго характера неплѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, копорыхъ вѣкъ есть—вѣчнось!“

Нѣтъ, Г. Мемель, я не пойду ужинающъ. Сяду подъ окномъ, буду

читаю Вейсееву Элегію на смерть Геллерша, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и — можетъ быть плакать. Нынѣшній вечеръ посвящу памяти добродѣтельнаго. Онъ здѣсь жилъ и училъ добродѣтели!

Юля 16.

Нынѣ поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть *наука вкуса*. Она практуесть о чувственномъ познаніи вообще. Баумгарпенъ первой предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, копорая — ославляя Логикѣ образованіе вышшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственного, т. е. воображенія съ его дѣйствіемъ.

ми. Однимъ словомъ, Эспешика учишь наслаждаться изящнымъ.

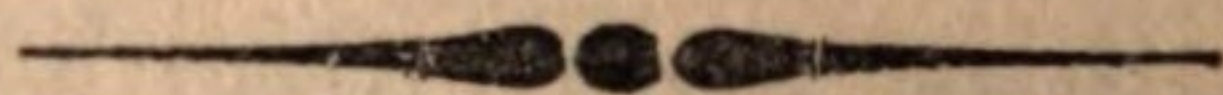
Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что не гдѣ было упасъ яблоку. Я долженъ былъ оспановишься въ дверяхъ. Плашнеръ говорилъ уже на каедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распроспраняться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніѣ. Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго—кромѣ Напуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ особливую способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ ве-

щахъ, и часто видѣвъ связь шамъ, гдѣ обыкновенной человѣкъ никакой не видѣвъ; и попому часто находивъ важнымъ то, что обыкновенному человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великой Лейбницъ, проѣхавъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью испорченныхъ бумагахъ, для того чтобы собрать матеріалы для Истории—Брауншвейгскаго Дому! Но проницапельной Лейбницъ видѣлъ связь сей Истории съ иными предметами, важными для человѣчества вообще. — Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого великаго человѣка видѣвъ особливой духъ ревности, которой, такъ сказать, оживляетъ ихъ и опличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ посылаю въ примѣръ Франклина, не какъ Ученаго, но какъ Полифика. Видя оскорбляемые права человѣчества,

съ какимъ жаромъ берется онъ
быть его ходапаемъ ! Съ сей ми-
нуты переспааетъ жизнь для се-
бя, и въ общемъ благѣ забываетъ
свое частное. Съ какимъ рвеніемъ
видимъ его текущаго къ своей ве-
ликой цѣли, копорая есть благо
человѣчества! — Сей же духъ ре-
вности оживляетъ и опличаетъ
сочиненія великихъ Геніевъ. Есть-
ли бы можно было извлечь его, на
прим., изъ Мендельзоновыхъ Фило-
софическихъ Писемъ, или Іеруза-
лемовой книги о Религіи, то въ
первыхъ оспалось бы одно схола-
стическое мудрованіе, а во второй
обыкновенныя догматы Теологіи;
но, одушевляемая симъ огнемъ,
возвышающъ онъ душу чистаго
духа. —

Плашнеръ говоритъ такъ сво-
бодно, какъ бы въ своемъ кабине-
тѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколь-
ко я могъ видѣть, слушали съ ве-
ликимъ вниманіемъ. Сказывающъ,

что Лейпцигскіе Спуденты никого изъ Професоровъ такъ не любяпъ и не почиаютъ, какъ его. — Когда онъ сошелъ съ кафедры, по ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть — сказалъ онъ мнѣ — а есхъли бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготохъить для васъ мѣсто.“ Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинатъ со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ *интересныхъ людей.*

Юля 16, въ 2 часа по полудни.

Говоряпъ, что въ Лейпцигѣ жипъ весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ Спудентовъ являюща сѣ блескомъ въ сихъ со-

браніяхъ: играють въ карпы, тан-
цують, куртизируютъ. Сверхъ по-
го здѣсь есть особливья ученья
общества или клубы; тамъ гово-
рятъ объ ученыхъ или полипиче-
скихъ новостяхъ, судятъ книги,
и проч. — Здѣсь есть и Театръ;
только Комедіанты уѣзжаютъ оп-
сюда на цѣлое лѣто въ другіе го-
рода, и возвращаются уже осенью
къ такъ называемой Михайловой
ярманкѣ. — Для того, кто любитъ
гулять, много вокругъ Лейпцига
пріятныхъ мѣстъ: а для того, кто
любитъ услаждать вкусъ, есть
здѣсь опмѣнно вкусные жаворон-
ки, славные пироги, славная спар-
жа и множество плодовъ, а особ-
ливо вишни, копорая очень хоро-
ша и теперь такъ дешева, что за
цѣлое блюдо надобно заплатить
не болѣе десяти копѣекъ. — Въ
Саксоніи вообще жить не дорого.
За столъ безъ вина плачу здѣсь
30 коп., за комнату также 30

коп.; то же плапилъ я и въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ, и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣющъ, — что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много Ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или Авторы или переводчики, и, собирая библіотеки, плащяшъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ есць публичныя библіотеки, изъ которыхъ можно брашъ для чпенія всякія книги, плащя за то бездѣлку. — Книгопродавцы изо всей Германіи сбѣзжаются въ Лейпцигъ на ярманки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а прешья съ Михайлова дня) и мѣняющъ между собою новыми книгами. Безчесными почищаются изъ нихъ

пѣ, которые перепечатываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ пѣмъ, которые купили манускрипты у Авпоровъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и спрогомъ для сего законѣ. — Вы пожелаете можетъ быть знать, какъ дорого платятъ книгопродавцы Авпорами за ихъ сочиненія? Смопрѣ по сочинителю. Если онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едва ли дадутъ ему за листъ и пять талеровъ; но когда онъ прославился, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе талеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенной часъ я пришелъ къ Плашнеру. Вы конечно поживете съ нами, сказалъ онъ, посадивъ меня. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я. — „Только? А я думалъ, что вы при-

ѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Вмѣсто того, чѣмбы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единомышленниковъ искали просвѣщенія, и, надѣюсь, не тщетно.“ — Я почелъ бы за особенное щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства, обстоятельства — — „И такъ мнѣ остается жалѣть, если онъ не позволяющъ вамъ на сей разъ остаться съ нами.“

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Русскихъ, которые здѣсь учились. „Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь.“ — По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы

И въ самую ту минуту, какъ я,

упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора.—У меня не много свободного времени, сказалъ онъ: однако жъ вы должны нынѣ со мною ужинашь. Въ восемь часовъ величе себя проводить въ прачиръ голубаго Ангела. —

Я имѣлъ время погулять въ Рихперовомъ саду (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ опяшь вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ прачиръ голубаго Ангела. Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Планиеръ съ ученою брапіею. Онъ каждому представлялъ меня, и называлъ мнѣ имена ихъ; но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ спа-

раго Профессора Эзера и Биргер-мейстера Миллера, издавшего Сульцерову Теорію Изыщныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ, — самой Аѳинской; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплеченныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Литтературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Руской языкъ. „Я не думалъ бы — сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи — чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопынтоковыхъ идей.“ Еще то скажу вамъ, при-молвилъ я, что переводъ вѣренъ и ясенъ. — Въ доказательство, что нашъ языкъ не прошивенъ ушамъ, читалъ я имъ Рускіе стихи разныхъ мѣрѣ, и они чувствовали ихъ *опредѣленную* гармонію. Говоря о

нашихъ оригинальныхъ произведе-
ніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ
я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду
и Владиміра, копорыя должны
имя творца своего сдѣлать незаб-
веннымъ въ Исторіи Россійской
Поэзіи.—Плапнеръ игралъ за ужи-
номъ первую ролю, т. е. онъ упра-
влялъ разговоромъ. Еспьли вообще
справедливо укоряють Нѣмецкихъ
Ученыхъ нѣкоторою неловкостію
въ обхожденіи, то по крайней мѣ-
рѣ Докторъ Плапнеръ (и конечно
вмѣстѣ со многими другими) дол-
женъ быть исключенъ изъ сего
числа. Онъ самой свѣтской чело-
вѣкъ: любитъ и умѣетъ говорить;
говоритъ смѣло, для того что
знаетъ свою цѣну.—Старикъ Эзеръ
любезенъ по своему простосерде-
чію. Къ нему имѣють уваженіе;
слушаютъ его анекдоты, и смѣ-
ются, примѣчая, что онъ хочетъ
смѣшны. Во время царствованія
Императрицы Елисаветы Пешров-

ны собирався онъ ѣхать въ Россію, но раздумалъ.— Чѣмъ принадлежишь до Биргермейстера Миллера, по онъ, кажется, очень важничаетъ.— Въ десять часовъ вспали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Плашнеръ не позволилъ мнѣ заплести за ужинъ, чѣмъ для меня не совсѣмъ пріятно было. — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинають вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, и проводятъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей, достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ—но всѣ они далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не заботится о бѣдномъ странникѣ. Никто не хващется меня завтра, естли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ уне-

сепѣ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей вздохъ не полещипѣ въ слѣдѣ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о преселеніи вашего друга!

Іюля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на праву бальзамическаго луга, наслаждался упромъ,—и былъ щасливъ!

Солнце взошло высоко, и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовати, что полдень недалеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, копорая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе?—„Тамъ, на правой сторонѣ, большой домъ съ садомъ!“—

Вейсе, любимецъ драматической

и лирической Музы—другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣшей, копорой ученіемъ и примѣромъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія—Вейсе проводитъ лѣто въ маленькой деревенькѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезной хозяинъ, маленькой человѣчекъ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому по алеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Московитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на порпребъ швой, любезной Вейсе, и узналъ бы себя между тысячами!—Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но румяное и свѣ-

жее лицо его не показываеѣтъ ни
пятидесяти — и во всякой чертѣ
лица сего видна добрая душа !

Онѣ обошелся со мною ласково,
сердечно, просто ; жалѣѣлъ, что
я пришелъ къ нему, а не онѣ ко
мнѣ — и въ такой жарѣ; подчивалъ
меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разные піе-
сы изъ его *Друга Дѣтей* переве-
дены на Руской, и нѣкоторыя мною.
Въ Германіи многіе писали и пи-
шутъ для дѣтей и для молодыхъ
людей ; но никто не писалъ и не
пишетъ лучше Вейсе. Онѣ самѣ
опецъ, и опецъ нѣжной, посвятив-
шій себя воспитанію юныхъ сер-
децъ. Со всѣхъ сторонѣ осыпали
его благодарностію , когда онѣ из-
давалъ свои еженедѣльные листы:
дѣти благодарили за удовольствіе,
а опцы за видимую пользу, копо-
рую сіе чпеніе приносило ихъ дѣ-
тямъ. — Онѣ издаеѣтъ нынѣ *Пе-
реписку Фамиліи Друга Дѣтей*,
II.

пріятную и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоришь о своихъ сочиненіяхъ; однакожь безъ всякаго припворнаго смиренія, копорое для меня такъ же прошивно, какъ и самохвальство.— Съ какимъ чувствомъ описываешь семейственное свое щастіе! „Благодарю Бога, сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе совершеннымъ, еспли бы небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, копорая нѣсколько лѣтъ больна, и копорой искусство врачей не помогаетъ.“—Однимъ словомъ, еспли я любилъ Вейсе какъ Авшора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ какъ человека.

У него есть рукописная Исторія нашего Театра, переведенная

сѣ Рускаго. Г. Дми́превской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Рускихъ, копорые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, копорой хранилъ сію рукопись, какъ нѣкопорую рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я сѣ нимъ проспился. „Путешествуйте щасливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однакожь я постараюсь еще увидѣться сѣ вами въ Лейпцигѣ.“ — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ Ла-Фонпеновъ стихъ: *sa fin* (т. е. конецъ мудраго) *est le soir d'un beau jour* — и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того,

въ комъ не загрубѣло чувство добра.

Возвратясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную лавку и купилъ себѣ на дорогу Оссіанова Фингала и *Vicar of Wakefield*.—

Въ полночь. Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм. Мелли въ загородной садъ. Тамъ было множество людей: и Спудентовъ и Филиспровъ (*). Одни, сидя подъ тѣнію деревъ, читали или держали передъ собою книги, не удоспоевая проходящихъ взора своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ

(*) Такъ Студенты называютъ гражданъ, и Господину Аделунгу угодно почищать это слово за испорченное, вышедшее изъ Латинскаго слова *Balistarii*. Симъ именемъ назывались городскіе солдаты и простые граждане.

солнечныхъ лучей густыми табашными облаками, копорыя извивались и клубились надъ ихъ головами; иные въ темныхъ аллеяхъ гуляли съ дамами, и — проч. Музыка гремѣла, и человѣкъ, ходя съ шарелкою, собиралъ деньги для музыкантовъ; всякой давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по Руски. „Я жилъ чешыре года въ Москвѣ, сказалъ онъ — и хопя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однакожь не забылъ еще вашего языка.“ — Къ намъ присоединились Гг. Шнейдеръ и Годи, путешествующіе съ Княгинею Бѣлосельскою, копорая пеперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы обрадовались другъ другу какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ пракпирѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли тутъ до полуночи, и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ.

Воропа были заперты, и каждой изъ насъ заплашилъ по нѣскольку копѣекъ за то, что ихъ опворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плаши штрафъ.

Юля 19.

Нынѣ получилъ я вдругъ два письма отъ А*, копорыхъ содержаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣсколь-ко недѣль, и хочетъ, чтобы я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Спразбургѣ; но мнѣ никакъ не лзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось то зданіе пріятностей и удовольствій, копорое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу ни

одного человека, близкаго къ моему сердцу! Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безцѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр. молодой Ученой, съ копорымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенпаль, большой паркъ. Я вспомнилъ, что извѣстной обманщикъ Шрепферъ кончилъ пунъ жизнь свою писполешнымъ выспрѣломъ. Кто не хотѣлъ бы знать его подлинной, таинственной исторіи? Сей человекъ долгое время былъ слугою въ одномъ кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и черезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера, нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Напурою и духами, и въ громкую трубу

звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая имъ золотыя горы. Со всѣхъ сторонъ спекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Университетахъ не учаѣ ; а другимъ болѣе всего нравился его хорошій сполъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, надписанные на имя *Барона Шренфера*, а Банкиры, получая вексели, давали ему большія суммы денегъ. Съ разипельнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ тайнствахъ, будто бы въ Италіи ему сообщенныхъ, и разгорячивъ воображеніе слушапелей, показывалъ имъ духовъ, шѣни умершихъ знакомыхъ, и проч. *Пріиди и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, копорые сомнѣвались — приходили и видѣли шѣни и разные спрахи, отъ копорыхъ у прусливыхъ людей волосы дыбомъ спановились. Надобно замѣтить, что

кругъ ревностныхъ его почи-
 шелей состоялъ не изъ ученыхъ,
 т. е. не изъ тѣхъ, которые при-
 выкли разсуждать по Логикѣ (сихъ
 людей не могъ онъ перенести, какъ
 такихъ, которые вѣрять разуму
 болѣе, нежели глазамъ), а изъ дво-
 рянь и купцовъ, со всѣмъ незна-
 комыхъ съ науками. Замѣтивъ
 надобно и то, что онъ только по-
 казывалъ чудеса, а никого въ са-
 момъ дѣлѣ не научалъ дѣлать ихъ;
 и что онъ показывалъ ихъ только
 у себя дома, въ нѣкоторыхъ, особ-
 ливо на то опредѣленныхъ комна-
 тахъ. Г. Бр. разсказалъ мнѣ слѣ-
 дующій анекдотъ. Нѣкто М* при-
 шелъ къ Шрепферу съ своимъ при-
 ятелемъ, для того, чтобы ви-
 дѣть его духопризываніе. Онъ на-
 шелъ у него множество гостей,
 которымъ безпрестанно подноси-
 ли пуншъ. М* не хотѣлъ пить.
 Шрепферъ приступалъ къ нему,
 чтобы онъ выпилъ хотя одинъ

спаканѣ; но М* опговори́лся. По-
помѣ ввели всѣхъ въ большую за-
лу, оби́шную чернымъ сукномъ, и
въ ко́пороу окна были за́пворены.
Шрепферъ поставилъ всѣхъ зри-
телей вмѣстѣ, очерпилъ ихъ кру-
гомъ, и не велѣлъ никому про-
гаться съ мѣста. Шагахъ въ
трехъ отъ нихъ, на маленькомъ
жертвенникѣ, горѣлъ спиртъ, —
чѣмъ единственно освѣщалась за-
ла. Передъ симъ жертвенникомъ
Шрепферъ, обнаживъ грудь свою
и взявъ въ руку большой блестя-
щій мечъ, бросился на колѣни и
громко началъ моли́ться, съ та-
кимъ жаромъ, съ такимъ рвеніемъ,
что М*, пришедшій видѣть об-
манщика и обманъ, почувство-
валъ прелесть и благоговѣніе въ
своемъ сердцѣ. Огонь блиспалъ
въ глазахъ молящагося, и грудь
его высоко поднималась. Ему над-
лежало призва́ть пѣнь одного
извѣстнаго человека, не давно у-

мершаго. По окончаніи молишбы онѣ началъ призываніе сими словами: „О ты, блаженный духъ, преселившійся въ безплотный и смертнымъ неизвѣстный міръ! внемли гласу оставленныхъ побою друзей, желающихъ тебя видѣть; внемли, и оставя на время новую свою обитель, явися очамъ ихъ!“ и проч. и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясеніе въ своихъ нервахъ, слышали ударъ, подобной громовому, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкой паръ, копорой мало помалу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру; однакожь М* не примѣтилъ въ ней большаго сходства съ покойникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, копорой сдѣлался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣшился выйти изъ круга и приближиться къ Шреп-

феру; но сей, примѣшивъ его движеніе, вскочилъ, бросился на него, и успрямивъ мечъ къ его сердцу, закричалъ страшнымъ голосомъ: *ты умрешь, несчастной, если хотя одинъ шагъ впередъ ступишь!* У М* подкосились ноги: такъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла. Шрепферъ опъ успало-спи распянулся на полу, и велѣлъ выпши всѣмъ зрителямъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ свѣжіе плоды.— Многие приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хотя знали, что вся пайная мудрость его состояла въ шарлапанствѣ, однакожь съ удовольствіемъ смотрѣли на важныя комедіи, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и припомъ такимъ, которые, не имѣя никакого желанія

видѣть его духовъ, требовали немедленнаго плашежа. Векселей къ нему уже не присылали, Банкиры не давали ему ни гроша, и несчастной мудрецъ, доведенной до крайности, заспрѣлился въ Розенталъ. — По сіе время не извѣстно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризывателя. По гипотезѣ ученыхъ Берлинцовъ, онъ былъ орудіе тайныхъ Іезуитовъ (такъ же какъ и Калиостро, копорой въ самомъ дѣлѣ есть второй Шрепферъ) — Іезуитовъ, хопящихъ снова овладѣть умами человѣческими. Если это правда — въ чемъ однакожь я очень, очень сомнѣваюсь — то съ дозволенія Господъ тайныхъ Іезуитовъ можно сказать, что они напрасно льсаятся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ — тогда, какъ законы разума всенародно возглашаются,

и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространяется — просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденій. — Вы скажете можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ обольщенныхъ имъ людей? Но точно не извѣстенъ ни одинъ человекъ, съ котораго бы онъ бралъ ихъ.

Сію минушу получилъ я записку отъ Плашнера, въ которой извѣявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе, и подалъ ему случай заслужить мою благодарность. — Профессоръ Бекъ, которой очень обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искать Гофмейстера для П*** Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цирихъ. — Прощайте, любезные друзья!

Веймаръ, Іюля 20.

Въ путешествіи своемъ опѣ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ прекрасной долины, на которой лежишъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребяпишки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску — къ намъ, говорю, потому что я ѣхалъ до Буппельшпета съ однимъ молодымъ Французомъ, копорой былъ чѣмъ-то въ свитѣ Французскаго Посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребяпишки хопѣли денегъ; мы бросили имъ нѣсколько грошей, и они громко закричали намъ: *спасибо!* — Французъ, копорой не разумѣлъ ни одного слова по-Нѣмецки, и копорому я служилъ переводчикомъ, почти заплакалъ, когда намъ пришлось распаваться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ не занимателенъ.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ

Буптпельштетѣ, гдѣ Почтмейстерѣ далѣ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилѣ поспилліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онѣ изѣ благодарности привезѣ меня вѣ Веймарѣ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окресныя деревеньки съ полями и рощицами соспавляюшѣ пріятной видѣ. Городѣ очень не великѣ, и кромѣ Герцогскаго дворца, не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома. — У городскихѣ воротѣ меня допрашивали; послѣ чего предложилѣ я караульному Сержанту свои вопросы, а именно: „здѣсь ли Виландѣ? здѣсь ли Гердерѣ? здѣсь ли Гетте?“ Здѣсь, здѣсь, здѣсь, отвѣчалѣ онѣ — и я велѣлѣ поспилліону везти себя вѣ пракпирѣ *слона*.

Наемный слуга немедленно былѣ отправленѣ мною кѣ Виланду, спро-

сипь, дома ли онѣ? *Мѣтѣ*, онѣ во дворцѣ. — Дома ли Гердерѣ? *Мѣтѣ*, онѣ во дворцѣ. — Дома ли Гепе? *Мѣтѣ*, онѣ во дворцѣ.

Во дворцѣ! во дворцѣ! повпориѣ я, передражнивая слугу, — взяѣ проспѣ и пошелѣ вѣ садѣ. Большой зеленой лугѣ, обсаженной деревьями и называемой *звѣздою*, мнѣ очень полюбился; но еще болѣе полюбились мнѣ дикіе, мрачные берега спремипельно текущаго ручья, подѣ шумомѣ копораго, сѣвѣ на мшистомѣ камнѣ, прочишалѣ я первую книгу Фингала. — Люди, копорые вспрѣчались мнѣ вѣ саду, глядѣли на меня сѣ такимѣ любопытствомѣ, сѣ какимѣ не смопрятѣ на людей вѣ большихѣ городахѣ, гдѣ на всякомѣ шагу вспрѣчающся незнакомыя лица.

Узнавѣ, что Гердерѣ наконецѣ дома, пошелѣ я кѣ нему. *У него одна мысль*, сказалѣ обѣ немѣ ка-

кой-то Нѣмецкой Авторъ, и сѣя мысль есть цѣлой міръ. Я читалъ его Urkunde des menschlichen Geschlechts, читалъ, многова не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ пво-реніе! Какое воспочное великолѣ-піе! — Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ ко-поромъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленной Философъ и ревностной чтитель Божества, опъ пантеизма и апе-изма равно удаленной, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Божествѣ и пво-реніи, прекрасныя, утѣшитель-ныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многія мѣста, копорыя мнѣ опмѣнно полюби-лись. Поспайте — не найду ли че-го нибудь въ записной книжкѣ

своей? . . . Нашелъ одно мѣсто, которое можетъ быть и вамъ полюбишся — и для того включу его въ свое письмо. Авпоръ говоришъ о смерти. „Взглянемъ на лилію „въ полѣ; она вливаетъ въ себя „воздухъ, свѣтъ, всѣ спихіи — и „соединяетъ ихъ съ существомъ „своимъ, для того, чшобы расш, „накопипъ жизненнаго соку и рас- „цвѣстъ; цвѣтетъ, и потомъ ис- „чезаетъ. Всю силу, любовь и „жизнь свою истощила она на то, „чшобы сдѣлаться матерью, о- „спавипъ по себѣ образы свои и „размножипъ свое бытіе. Теперь „исчезло явленіе лиліи; она ис- „плѣла въ неупомимомъ служеніи „Напуры; готовилась къ разру- „шенію съ начала жизни. Но что „разрушилось въ ней, кромѣ явле- „нія, которое не могло быть до- „лѣе, — которое, достигнувъ до „высочайшей степени, — заклю- „чавшей въ себѣ видъ и мѣру кра-

„сопы ея, — назадъ обрашилось?
 „и не съ шѣмъ, чшобы, лишась
 „жизни, успупишь мѣсто юнѣй-
 „шимъ живымъ явленіямъ — сіе
 „было бы для насъ весьма печаль-
 „нымъ символомъ — нѣтъ! напро-
 „шивъ того она, какъ живая, со
 „всею радостію бытія произвела
 „бытіе ихъ, и въ зародышѣ лю-
 „безнаго вида предала его вѣчно-
 „цвѣтущему саду времени, въ ко-
 „шоромъ и сама цвѣтешъ. Ибо
 „лилія не погибла съ симъ явле-
 „ніемъ; сила корня ея сущесву-
 „ешъ; она вновь пробудилась отъ
 „зимняго сна своего и возстанешъ
 „въ новой весенней красотѣ, под-
 „лѣ милыхъ дочерей бытія своего,
 „кошорыя спали ея подругами и
 „сеспрами. И такъ нѣтъ смерти
 „въ твореніи; или смерть есть
 „ничто иное, какъ *удаленіе того,*
 „*что не можетъ быть долѣе, ш.*
 „*е. дѣйствіе вѣчноюной, неутоми-*
 „*мой силы,* кошорая по своему

„свойству не можетъ ни минушы
 „быть праздною или покоиться.
 „По изящному закону Премудро-
 „сти и Благости, все въ быспрѣй-
 „шемъ печеніи спремится къ но-
 „вой силѣ юности и красоты —
 „спремится, и всякую минушу
 „превращается.“ — Въ семъ сочи-
 неніи все ясно и понятно и со-
 гласно. Тупъ не бурнопламенное
 воображеніе юноши кружится на
 высотахъ, и сверкаетъ во мракѣ,
 подобно ночному метеору, бле-
 спящему и въ минушу исчезаю-
 щему; но мысль мудраго мужа,
 разумомъ освѣщаемая, тихо не-
 сется на легкихъ крыльяхъ вѣю-
 щаго зефира — несется ко хра-
 му вѣчной Истины, и свѣплою
 струею свой путь означаетъ. —
 Я читалъ еще его *Парамити* (*),

(*) Т. е. отдохновенія. Симъ именемъ
 называютъ еще и нынѣшніе Греки
 свои забавныя крашкія повѣсти.

нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, копорыя дышаѣтъ Гре- ческимъ духомъ, и прекрасны какъ упренная роза.

Онѣ вспрѣшилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣп- ливаго человѣка.—Онѣ разспраши- валъ меня о полипическомъ соспо- яніи Россіи, но съ опмѣнною скромностію. Попомъ разговоръ обрапился на Липпературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онѣ, кого изъ нихъ предпочипаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ запрудненіе. Клопштока, опвѣ- чалъ я запинаясь, почиаю самымъ *выспреннимъ* изъ Пѣвцовъ Герман- скихъ. „И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его чишаюѣъ ме- нѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, копорыя въ Мессіадѣ на

десятой пѣсни оспановились съ пѣмъ, чшобъ уже никогда не приниматься за эпю славную Поэму.“ — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете — и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, чипалъ мнѣ съ живоспїю нѣкоторыя избъ его прекрасныхъ мѣлкихъ спихопвореній. Особливо нравился ему маленькая піеса, подъ именемъ Meine Göttin, копорая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand! streit'ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Iovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

„Эпо совершенно по-Гречески, сказалъ онъ — и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!“ —

Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ, и сдѣлавъ его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и по тому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литтературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкъ, которая была душею древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду, и Цари знали счетъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любезной чело-вѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чшобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *физиогномическаго путешествія и Нѣмецкихъ народ-*

ныхъ сказокъ. Подъ барельефомъ
споймъ на книгѣ Урна, съ над-
писью: *незабвенному Музеусу*. —
Чувствительная Амалія (*)! по-
томство будетъ благодарить те-
бя за то, что ты умѣла чинить
дарованія.

21 Июля.

Вчера два раза былъ я у Ви-
ланда, и два раза сказали мнѣ,
что его нѣтъ дома. Нынѣ при-
шелъ къ нему въ восемь часовъ
утра, и увидѣлъ его. Вообрази-
те себѣ человека довольно высокаго,
тонкаго, долголицаго, рябовашаго,
бѣлокураго, почти безволосаго, у
котораго глаза были нѣкогда сѣ-
рые, но опъ чпенія спали кра-
сные — таковъ Виландъ. Желаніе

(*) Герцогиня Веймарская, мать вла-
дѣющаго Герцога.

II.

видѣшь васъ привело меня въ Веймаръ — сказалъ я. „Эпо не спойло пруда!“ отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, копорой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Попомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говоришь по Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говоришь съ Нѣмцами, и припомъ съ такими, копорые хорошо знающъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человека, копорой нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все спояли; изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. Конечно я пришелъ не во время? спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; впрочемъ поушру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся. — „И такъ позвольте мнѣ приши въ другое вре-

мя; назначьте только часъ. Еще
 повпоряю вамъ, что я прїѣхалъ въ
 Веймаръ единственно для того,
 чтобы васъ видѣть.“ — *Виландъ*.
 Чего вы отъ меня хотите? — *Я*.
 Ваши сочиненія заславили меня
 любить васъ, и возбудили во мнѣ
 желаніе узнать Автора лично. Я
 ничего не хочу отъ васъ, кромѣ
 того, чтобы вы позволили мнѣ ви-
 дѣть себя. — *В*. Вы приводите
 меня въ замѣшательство. Ска-
 жите ли вамъ искренно? — *Я*. Ска-
 жите. — *В*. Я не люблю новыхъ
 знакомствъ, а особливо съ такими
 людьми, которыхъ мнѣ ни по чему
 не извѣстны. Я васъ не знаю. —
Я. Правда; но чего вамъ опасать-
 ся? — *В*. Нынѣ въ Германіи во-
 шло въ моду путешествовать и
 описывать путешествія. Многіе
 переѣзжаютъ изъ города въ городъ,
 и спараются говорить съ извѣ-
 стными людьми только для того,
 чтобы послѣ все слышанное отъ

нихъ напечатать. Что сказано было между чепырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть *слишкомъ* опкровененъ. — Я. Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человека. — В. Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Будъ вы здѣсь не будете жить? — Я. Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять, и разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда — узналъ какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей. — В. Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили

во мнѣ чего нибудь дурнаго. — Я. Вы шутише. — В. Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣспно было, естѣли бы вы почно для меня оспались здѣсь жишь. Можепѣ бышь въ другомѣ Нѣмецкомѣ городѣ, на прим. въ Готѣ, было бы вамѣ веселѣе. — Я. Вы Поэтѣ, а я люблю Поэзію: какѣ бы пріятно для меня было, естѣли бы вы дозволили мнѣ хопя часѣ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхѣ красотахѣ ея? — В. Я не знаю, какѣ мнѣ говоришь съ вами. Можепѣ бышь вы учипель мой въ Поэзіи. — Я. О! много чеспи. И такѣ мнѣ оспаеппся проспиппся съ вами въ первой и въ послѣдній разѣ. — В. (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*) Я не физіогномистѣ; однакѣжѣ видѣ вашѣ заспавляепѣ меня имѣпѣ къ вамѣ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравипся ваша искренность; и я вижу еще перваго Рускаго такого, какѣ вы.

Я видѣлъ вашего Ш***, остраго
 человѣка, напипаннаго духомъ
 эпова спарика (*указывая на бюстъ
 Вольтерова*). Обыкновенно ваши еди-
 ноземцы спараются подражать
 Французамъ; а вы — — Я. Благо-
 дарю. — В. И пакъ естѣли вамъ
 угодно провеспи со мною часа
 два-при, то приходите ко мнѣ
 нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ
 преньяго. — Я. Вы хопите бытъ
 шолько снисходительнымъ! — В.
 Хочу имѣть удовольствіе бытъ
 съ вами, говорю я, и прошу васъ
 не думать, чѣобы вы одни на свѣ-
 тѣ были искренны. — Я. Проспи-
 те! — В. Въ преньемъ часу васъ
 ожидаю. — Я. Буду. — Проспите!

Вотъ вамъ подробное описаніе
 нашего разговора, копорой сперва
 зацѣпилъ заживо мое самолюбіе.
 Окончаніе успокоило меня нѣ-
 сколько; однакожь я все еще въ
 волненіи пришелъ отъ Виланда къ

Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кропкою ласкою, какъ и вчера — съ такою же привѣпливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, если бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію, и взглянулъ на Медицейскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о плѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что

die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалась мнѣ по большой части непонятною. „Эту книгу сочинялъ я въ молодости, опивчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму опчета въ пущихъ своихъ.“ — Духъ вашъ, сказалъ я прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ не высокаго роста, посредственной полтины, и лицомъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показывающіе необыкновенной умъ — (но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимънибудь физиогномическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ мнѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего ша-

кого, что бы показывало желаніе казаться тѣмъ нибудь. Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ въсѣ словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца Музъ; но великой Ученой и глубокомысленной Метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріяпно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человека, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить спарались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминавая видъ и голосъ Автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. Ба.

тюшка васъ дожидается, сказалъ одинъ. Подите къ нему, сказали двое вмѣстѣ. Мы васъ проводимъ, сказалъ четвертой. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ бапюшкѣ.

Простите — сказалъ, вошедши къ нему — простите, естли давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете нагло-спію того, что было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — „Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что эпосъ жаръ къ Поэзіи такъ далеко распространяется, тогда, какъ онъ въ Германіи пропадаетъ.“ — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, копорой минуна отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ Поэзіи, сказалъ онъ: „Естли бы Судьба опредѣ-

лила мнѣ жить на пустомъ оспровѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушающъ мои пѣсни.“ Онъ желалъ знать, пишули я? и не переведено ли чтонибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *пегальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: „Жалѣю, есѣли вы часпо бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — попому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду?“ Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чѣобы собрать нѣкопорыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Напурою и съ добрыми, любящъ

изящное и наслаждаюсь имъ. — „Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдетъ для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его щасливымъ.“

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ. — „Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ чипапелей, какъ Боннетъ; а особливо такихъ чипапелей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и Философію свою.“ — О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Рейнгольда, подъ титуломъ Versuch einer neuen The-

orie des menschlichen Vorstellungsvermögens, которое только что оппечатоано, и которое должно обьяснить Кантову Метафизику. Прочпите его, сказаѡ онѡ мнѡ, еспьли вы чипаете книги такого рода. Ваиѡ Агапонѡ, или Оберронѡ, для меня прїятнѡе, опвѡчалѡ я: однакожѡ иногда изѡ любопытспва заглядываю и вѡ область Философїи. — „А развѡ Агапонѡ не еспѡ философическая книга? сказаѡ онѡ : вѡ немѡ рѡшены самые важнѡйшіе вопросы Философїи.“ — Правда, сказаѡ я: и пакѡ прошу извиниѡ меня. —

Сѡ любезною искренностїю опкрываѡ мнѡ Виландѡ мысли свои о нѡкоторыхѡ важнѡйшихѡ для человѡчеспва предметахѡ. Онѡ ничего не опвергаетѡ, но только полагаѡтѡ различїе между чаянїемѡ и увѡренїемѡ. Его можно назваѡтѡ Скепшикомѡ, но только вѡ хорошемѡ значенїи сего слова.

Ему , казалось , пріяпно было слышать отъ меня, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на Руской. „Но каковъ переводъ?“ спросилъ онъ. — Не можете нравиться шѣмъ , которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. „Такова моя участь, сказалъ онъ: и Французскіе и Англійскіе переводчики меня обезобразили.“

Въ шесть часовъ я вспалъ. Онъ взялъ мою руку , и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ щаспія въ жизни. „Вы видѣли меня шаковымъ, каковъ я подлинно, примолвилъ онъ. Проспите, и хопя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчаю вамъ , гдѣ бы вы ни были. Проспите!“ — Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось , что онъ былъ нѣсколько пронутъ ; а это самого меня пронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку , и разспались — мо-

жестъ бытъ навѣчно. Никогда ,
 никогда не забуду Виланда! Ес-
 ли бы вы видѣли, друзья мои , съ
 какою опкровенностію, съ какимъ
 жаромъ говоришь сей почти ше-
 сшидесятилѣтній человекъ, и какъ
 всѣ черты лица его оживляются
 въ разговоръ ! Душа его еще не
 состарѣлась и силы ея не испо-
 щились. Клелія и Синибальдъ, по-
 слѣдняя изъ его поэмъ, писана съ
 такою же полнопою духа , какъ
 Оберронъ, какъ Музаріонъ, и проч.
 Кажется еще, что онъ въ послѣд-
 нихъ своихъ твореніяхъ ближе и
 ближе къ совершенству подходитъ.
 Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ
 Виландъ въ Германіи какъ Авторъ.
 Самыя первыя его сочиненія , на-
 прим. *нравоучительныя повѣсти* ,
Симпатіи и проч., обратили на
 него вниманіе Публики. Хотя спро-
 гая крипика , которая тогда уже
 начиналась въ Германіи, и находи-
 ла въ нихъ много недоспашковъ ;

однакожь отдавала Авшору справ-
 ведливоспъ вѣ помѣ, чшо онѣ и-
 мѣетѣ изобрѣтательную силу, бо-
 гатое воображеніе и живое чув-
 ство. Но эпоха славы его началасьъ
 съ *комическихъ повѣстей*, признан-
 ныхъ вѣ своемѣ родѣ превосход-
 ными и на Нѣмецкомѣ языкѣ по-
 гда единственными. Удивлялись
 его остроумѣ, вкусу, красотѣ я-
 зыка, искусству вѣ повѣсповова-
 ніи. Попомѣ издавалѣ онѣ поэму
 за поэмою, и послѣдняя всегда ка-
 залась лучшею. Давно уже Гер-
 манія признала его однимѣ изъ
 первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онѣ по-
 коишся на лаврахъ своихъ, но не
 засыпаеѣ. Еспѣли Французы о-
 спавили наконецъ свое старое
 худое мнѣніе о Нѣмецкой Лип-
 пературѣ (которое нѣкогда она
 вѣ самомѣ дѣлѣ заслуживала, т.
 е. погда, какѣ Нѣмцы прилѣжали
 только къ сухой учености) —
 еспѣли знающіе и справедливы-

шіе изъ нихъ соглашаются, что Нѣмцы не только во многомъ сравнились съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: по конечно произвели это опчаспи Виландовы сочиненія, хопя и не хорошо на Французской языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живепъ Геше, видѣлъ я его смопрящаго въ окно, — остановился и разсмапривалъ его съ минушу: важное Греческое лице! Нынѣ заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену. — Въ Веймарѣ еспъ еще и другіе извѣстныя Писатели: Берпухъ, Бодѣ, и проч. Берпухъ перевелъ съ Гишпанскаго Донъ-Кишота, и выдавалъ *магазинъ Гишпанской и Португальской Литтературы*; а Бодѣ славишся переводомъ Спернова *Путешествія* и Триспрама Шанди. Герцогиня Амалія любишъ дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и

поручила ему воспитаніе молодого Герцога ; она призвала Гете , когда онъ прославился своимъ Вертеромъ ; она же призвала и Гердера въ начальники здѣшняго духовенства.

— Проспите , друзья мои ! Ясная ночь вызываетъ меня изъ комнаты. Беру свой спранныческой посохъ — иду смопрѣть на засыпающую Природу , и спранспвоватъ глазами по звѣздному небу.

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ рассказывали здѣсь разные анекдоты о нашемъ Л*. Онъ пріѣхалъ сюда для Гете , друга своего, копорой вмѣстѣ съ нимъ учился въ Спразбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ дворѣ. Его приняли очень хорошо , какъ человека съ дарованіями ; но скоро примѣшили въ немъ великія

спранныости. На прим. однажды явился онъ на придворной балъ въ доминъ, въ маскѣ и въ шляпѣ, и въ ту минуту, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знаменѣйшей дамѣ и звалъ ее танцовать съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣясь отъ всего сердца; но чиновные господа и госпожи, составляющие Веймарской дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за то по крайней мѣрѣ опрубить голову. — Съ самаго своего пріѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовныя пѣсни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей. Онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминулъ

вѣ нихъ уподобить себя Иксіону, дерзнувшему влюбиться вѣ Юпитерову супругу. — Однажды онѣ вспрѣпился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чпобы поклониться ей, упалъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя проѣхать. На другой день Л* всѣмъ знакомымъ разослалъ по бумажкѣ, на копорой нарисована была Герцогиня и онѣ самѣ, стоящій на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли занять его совершенно. Онѣ могъ еще думать о реформѣ, копорую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать вѣ войскѣ Его Свѣплости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ тѣмъ его терпѣли вѣ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гете наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его вы-

ѣхалъ изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отправился спрансповодать по бѣлому свѣту. —

Эрфуртъ 22 Юля.

Въ два часа пріѣхалъ я сюда изъ Веймара, остановился въ пракпирѣ (копорого имени, право, не знаю); выпилъ чашку кофе, пошелъ на такъ называемую *Петрову гору* въ Бенедиктинской монастырь, и просилъ тамъ перваго встрѣтившагося мнѣ отца указать по мѣсто, гдѣ погребенъ Графъ Глейхенъ. *Толстой* отецъ (нв. монастырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ, чшобы я шелъ къ отцу церковнику. Мнѣ надлежало идти черезъ длинныя сѣни или коридоръ, гдѣ въ печаль-

номъ сумракъ представились глазамъ моимъ распятія и угасшія лампы. Божатой оставилъ меня въ коридоръ и пошелъ искалъ отца церковника. Трудно описатьъ, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ въ глубокой тишинѣ по сему темному коридору, и смопрѣ на распятія, на лампы и на старыя карпины, на копорыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище Фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшенными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое усpreмленнымъ. Я зашрепепалъ, и холодной ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія закли-

нанія ; но , кѣ щастію , вѣ самую сію мину пу пришелъ мой жожапой , и фаншомы моего воображенія исчезли . Опецѣ церковникѣ , сказалъ онѣ , вмѣстѣ съ другими опцами сидишѣ за вечернею трапезою . Да не можешѣ ли ты самѣ показашѣ мнѣ гробѣ Глейхена ? спросилъ я . Могу , отвѣчалъ онѣ , еспѣли вы только его хошите видѣшѣ .—Вошедши вѣ церковь , поднялъ онѣ двѣ широкія скованныя доски , и я увидѣлъ большой камень .—Выслушайте испорію .

Когда свая ревность , выгнашѣ невѣрныхѣ изѣ земли обѣшванной , заразила всю Европу , и благочеспивые рыцари , крестомѣ ознаменованные , устремились кѣ востоку : тогда и Глейхенѣ , Имперской Графѣ , оставилъ свое опечество , и съ вѣрною дружиною направилъ пушѣ свой кѣ спранамѣ Азіатскимѣ . Не буду описывашѣ вамѣ великихѣ дѣлъ его мужесшва .

Скажу только, что самые храбрѣйшіе рыцари Христіанства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить несчастіемъ вѣру Героя — Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и спалъ невольникомъ знашнаго Магомешанца, которой велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, несчастной Графъ поливалъ цвѣты, и спеналъ въ пѣнѣ рабствѣ. Но щепны были бы всѣ его спенанія и всѣ обѣты, есѣли бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обрапила взоровъ нѣжной любви на зощасшнаго Героя. Часпо въ густыхъ лѣсахъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его; часпо видѣла невольника молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая спыдливосѣ долгое время не допускала ее извѣститься и сказаѣ ему, что она беретъ участіе въ его печали. Наконецъ

искра воспылаха — стыдливость исчезла — любовь не могла уже таиться въ сердцѣ, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленного Графа. Ангельская невинность ея, цвѣтущая красота и способъ разорвать цѣпь неволи, не дали ему вспомнить, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, если она согласится оставить своего отца, опечесство, и бѣжать съ нимъ въ страны Христіянскія. Но она уже не помнила ни отца, ни опечесства — Графъ былъ для нее все. Прекрасная лепишь, приносишь ключъ, опираешь дверь въ поле — лепишь съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріятствуетъ ихъ побѣгу. Щастливо достигаютъ они до опечесства Графскаго. Подданные лбызаютъ своего Государя и отца, копората счи-

пали они погибшимъ, и съ любопытствомъ смогравъ на его спашную сопупницу, покрывую флеромъ. При входѣ во дворецъ Графиня бросаешя въ его обвѣшя. „Ты опяшь меня видишь, любезная супруга! говоривъ Графъ: благодари ее (*указывая на свою избавительницу*) — она все для меня оспавила. Ахъ! я клялся любить ее!“ — Графъ хочевъ рукою закрывъ пекущія слезы свои. Сарацынка опкрываевъ свое лице, бросаешя на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоривъ: *я теперь раба твоя!* — „Ты сеспра моя, опвѣчаевъ Графиня, подымая и цѣлуя Сарацынку: сопругъ мой будевъ швоимъ сопругомъ; раздѣлимъ сердце его.“ — Графъ удивляешся великодушію сопруги — прижимаевъ ее къ своему сердцу — всѣ обнимаюпся и клянупся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей шройспвенной союзъ, и самъ

Папа подтвердилъ его. Миръ и счастье обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги были погребены вмѣстѣ—въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря — и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на которомъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Взглянувъ съ *Петрерой* горы на городъ и окрестности, пошелъ я въ сиротской домъ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столѣжкѣ лежалъ Нѣмецкая Библия перваго изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чпобы простой монахъ, жившій во мракѣ

этой кельи, сдѣлалъ не только великую реформу въ Римской церкви, вопреки Императору и Папѣ, но и великую моральную революцію въ свѣтѣ! — Вышедши изъ кельи, увидѣлъ я въ коридорѣ множество спранныхъ картинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходитъ и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величіе и отправиться на томъ свѣтѣ. На другой представлена актриса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣяніи, поднимающая кинжалъ съ маскою. На прешей изображены содержатель Типографіи въ шпофномъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смерть, хопящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и содержатели Типографій умереть должны! и проч. и проч.

Гота, 23 Іюля, въ полночь.

Я прїѣхалъ сюда въ одиннадцать часовъ утра, и остановился въ пракширѣ колокольника. Сильная головная боль заставила меня пролежать весь день. Ввечеру я вспалъ, ходилъ по городу, и видѣлъ передъ дворцомъ иллюминацію и феерверкъ, которыми Готской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, прїѣхавшаго къ нему въ гости.

Франкфуртъ на Майнѣ, Іюля 28.

Вчера, милые друзья мои, прїѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ ночевать — (я ѣхалъ на ординарной почтѣ) — или по крайней мѣрѣ стоялъ по нѣсколькимъ часамъ. Дороги вездѣ прескверныя, такъ что надобно ѣхать все

шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ коляскѣ очень проспорно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно шихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего занимательнаго не вспрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чѣобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много интереснаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Напуры. Еще замѣтилъ я замокъ Варшбургъ, копорой лежишь на горѣ не далеко отъ Эйзенаха, и въ копоромъ послѣ Вормскаго Сейма содержанъ былъ Маршинъ Люперъ. Тутъ возвышаются два камня, въ копорыхъ воображеніе находишь нѣчто похожее на чело-

вѣческія фигуры, и о копорыхъ, по старому преданію, разсказываешся слѣдующая сказка:

Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщешно сражался онъ съ своею любовію; напрасно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его кипѣла и волновалась. Образъ нѣжной монахини всегда присущствовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушной сердцу, не могъ произнести ничего, кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ пошъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часто, смотря на нее, лилъ пламенные слезы, и видѣлъ огненной румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, спрашивались своихъ чувствъ и — пипали ихъ. Наконецъ молодой монахъ препену-

щею рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая сестра! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая гора. Я буду тамъ при наступленіи ночи. Или ты, прекрасная, будешь тамъ же, или я свергнусь съ высокаго утеса, и умру временною и вѣчною смертію. Сердце ея запрепечало. „Мнѣ видѣть его — думаетъ она — мнѣ видѣть его за спѣною монастырскою, и быть съ нимъ одной въ пишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ спрашнаго грѣха самоубійства.“ — Она находитъ способъ выпити ночью изъ монастыря — идетъ во мракъ и спрашивая всякаго щороха — всходитъ на гору, и вдругъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ своего спрашнаго обожателя. Они забываютъ все, препенутъ въ воспоргъ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, нѣмнютъ члены, сердца пе-*

респашюпѣ бишься, и Небесной
гнѣвѣ превращаетѣ ихъ въ два
камня. „Вы видѣте ихъ“ — ска-
залъ мнѣ поспиліонѣ, указывая
на верхъ горы. — — Изъ сей на-
родной сказки сочинилъ Виландѣ
прекрасную поэму, подѣ пшпу-
ломѣ: *der Mönch und die Nonne*.

Пробѣжая черезъ маленькое мѣ-
спечко близъ Гиршфельда, поспил-
ліонѣ мой оспановился у дверей
одного дому. Я счелѣ эпомѣ домѣ
пракширомѣ, вошелѣ въ него, и
первому человѣку, копорой вспрѣ-
шилъ меня съ низкимѣ поклономѣ,
велѣлѣ принести бупылку воды и
рейнвейна; сѣлѣ на спулѣ, и не
думалѣ снимаѣ своей шляпы. Въ
комнатѣ было еще человѣка при,
копорые съ великою учпивоспію
начинали говориѣ со мною. При-
несли рейнвейнѣ. Я пилѣ, хвалилѣ
вино, и наконецѣ спросилѣ, чпо
надобно заплапипѣ за него? „Ни-
чего, опвѣчали мнѣ съ покло-

номъ: вы не въ практирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, которой очень радъ тому, что вамъ понравился его рейнвейнъ.“ Вообразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя шляпу и спалъ извиняясь. „Ничего! ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ: только прошу васъ быть благосклоннымъ къ моей дочери, которая поѣдетъ съ вами въ коляскѣ.“ Буду почтительнѣе, и все, что вамъ угодно, — отвѣчалъ я. Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ серпукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу и сѣли въ коляскѣ рядомъ. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей тещкѣ. Я не хотѣлъ беспокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего Vicar of Wakefield и началъ читать. Сопутница моя спала зѣ-

вапъ, жмурипъся, дремапъ, и на-
 конецъ голова ея упала ко мнѣ на
 плечо. Я не смѣлъ пронупъся,
 чшобы не разбудипъ ея; но
 вдругъ насъ такъ пряхнуло, что
 она оплелѣла отъ меня въ другой
 уголъ коляски. Я предложилъ ей
 большую свою подушку. Она взяла
 ее, положила себѣ подъ голову и
 опять заснула. Между тѣмъ смерк-
 лось, и наступила ночь. Каролина
 снала крѣпкимъ сномъ, и не про-
 сыпалась до самаго того мѣста,
 гдѣ надлежало намъ съ нею раз-
 спаться. Что принадлежишь до
 меня, то я велъ себя такъ честно,
 какъ цѣломудренной рыцарь, боя-
 щійся однимъ нескромнымъ взо-
 ромъ оскорбить спыдливость ввѣ-
 ренной ему невинности. Рѣдки
 такіе примѣры въ нынѣшнемъ
 свѣтѣ, друзья мои, рѣдки! Каро-
 лина, по своей невинности, не ду-
 мала благодарить меня за мою
 воздержность, и проспалась со

мною очень сухо. Богъ съ нею !

Нигдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я пріѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ пробыть тамъ до полуночи. Городъ не предспавлялъ мнѣ ничего любопытнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Чипать не могъ—писать также, хотя Почтмейстерша, по моему требованію, и принесла мнѣ цѣлую пепрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ я о друзьяхъ опдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ.

Сюда пріѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ пракпирѣ *звѣзды*, гдѣ опвели мнѣ хорошую компанію.

Франкфуртъ, 29 Іюля.

Ненастье продолжается. Сижу въ своей горницѣ, подъ распвореннымъ окномъ; и хотя косою

дождь мочитъ меня и разливаетъ
 дрожь по моей внутренности, од-
 накожь каменная Русская грудь не
 боится простуды, и пипомецъ
 желѣзнаго сѣвера смѣется надъ
 слабымъ усиленіемъ Майнскихъ бурь.

Но такой ли погоды ожидалъ я
 въ здѣшнемъ кропкомъ климатѣ?
 Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣ-
 вера, радовался я мыслию, что о-
 славляю за собою холодъ и сы-
 росль, все сердитое, жестокое
 и угрюмое въ напурѣ. Тамъ, гдѣ
 печетъ Майнъ и Рейнъ, думалъ
 я, тамъ небо чисто, дни красны,
 и одни зефиры спруяютъ воздухъ;
 тамъ цвѣтущая Природа ликуетъ
 въ яркомъ свѣтѣ лучей солнеч-
 ныхъ. Но — прѣзжаю, и нахожу
 пасмурную осень среди лѣта.
 Только я намѣренъ переупрямить
 погоду; и клянусь Тишанами и
 спрашнымъ Спиксомъ, что не вы-
 ѣду изъ Франкфурта не дождав-
 шись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Вилле-
мера, богатаго здѣшняго Банкаира.
Мы говорили съ нимъ о новыхъ
Парижскихъ происшествіяхъ. Что
за дѣла намъ дѣлаются! Думалъ
ли нашъ А* (которой уѣхалъ оп-
сюда недѣли за двѣ передъ симъ)
видѣть въ Парижѣ такія сцены?

Не воображайте, чтобы мнѣ скуч-
но было сидѣть въ своей горницѣ.
Публичная библіотека въ прехъ
шагахъ отъ пракшира. Вчера я
бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову
трагедію, и читалъ ее съ вели-
кимъ удовольствіемъ отъ первой
спраницы до послѣдней. Едва ли
не всего болѣе пронулъ меня мо-
нологъ Фіеска, когда онъ, уеди-
нясь въ тихій часъ утра, задумы-
ваясь, лучше ли ему оспаться
проспымъ гражданиномъ, и за у-
слуги, оказанныя имъ опечеству,
не требовавъ никакой награды,
кромѣ любви своихъ согражданъ,
или воспользоваться обшоятель-

спвами и присвоить себѣ верховную власть въ Республикѣ. Ягоповѣ былъ упасъ передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: *избери первое!* Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ! Вообще Фіеско пронулъ меня болѣе, нежели Донъ - Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ, и хотя кришика отдастъ ему преимущество. — Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Ифландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами, и которыя вѣрно полюбились бы нашей Публикѣ, есѣли бы искусной человекѣ обработалъ ихъ для Русскаго театра.

Въ одномъ практирѣ со мною живеть молодой Докторъ Медицины, которой вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ происходитъ отъ по-

го, что люди не берегутъ своего желудка. „Испорченной желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ со здоровыми, тогда, когда они больны, — тогда, когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣжденій, надлежало имъ дать нѣсколько приемовъ чистительнаго. Безпорядокъ душевной бываетъ всегда слѣдствіемъ телеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находилъ все въ совершенномъ равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть выполняетъ свою должность, которую поручила ей Природа: тогда и душа бываетъ

здорова ; тогда человекъ разсуждаеиъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и щасливъ.“

— И такъ есильи бы у Калигулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить мосту на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — „Безъ сомнѣнiя, опвѣчалъ мой Докпоръ: и есильи бы лекарь его догадался дать ему нѣсколько чистипельныхъ пилюль, то смѣшное предпрiяиie было бы черезъ часъ оставлено. Опъ чего въ лапомъ вѣкѣ были люди и добры и щасливы? Конечно опъ того, что они, пипаясь только растѣнiями и молокомъ, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что есильи бы я былъ Государемъ, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вмѣсто наказанiя, опсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми

людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу Публикѣ свои мнѣнія и доказапельства, копорыя, можетъ быть, сдѣлають революцію въ Философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы опъ меня слышали.“ — Я удивлялся логикѣ Господина Доктора.

Июля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо переспало хмуришь брови, и прояснилось. Пользуясь хорошимъ временемъ, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Тракпирщикъ мой водилъ меня по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣпились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ спарикомъ и, какъ сказывають, очень богатымъ человекомъ. Узнавъ опъ моего жожапаго, что я путешеству-

ющій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвасть изряднымъ въ моемъ саду. Какова эша темная алея?“ — Въ жаркое время пупъ хорошо прохладаться, отвѣчалъ я. — „А эша маленькая бесѣдка подъ вѣтвями каштановыхъ деревьевъ?“ — Тупъ прекрасно сидѣшь ввечеру, когда луна покажется на небѣ и свѣтъ свой прольетъ сквозь развѣсистыя вѣтви на эту бархатную зелень. — „А эшотъ холмикъ?“ — Ахъ! какъ бы я желалъ встрѣтитъ пупъ восходящее солнце! — „А эшотъ маленькой лѣсокъ?“ — Тупъ вѣрно поютъ весною соловьи, такъ спокойно и весело, какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Природы, ни мало не подозрѣвая, чшобы сюда заманивало ихъ искусство. — „Что вы скажете объ эшомъ домикѣ?“ — Онъ построенъ на то, чшобъ быть жилищемъ

Философа, любящаго простоту, уединеніе и пишину. — „Теперь вамъ надобно согласишься выпить у меня чашку кофе.“ — — Мы вошли въ домикъ, и сѣли на деревянныхъ спульяхъ вокругъ маленькаго спюлика. Намъ подали кофе. Я съ удовольствіемъ поблагодарилъ хозяина за его гостепріимство.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустъ; а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ — опъ того, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кромѣ тѣхъ, копорымъ уже по крайней нуждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и топтать ногами грязь на улицахъ; а теперь, обрадовавшись солнцу, всѣ какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обширной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кромѣ нѣкоторыхъ дво-

рянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой житель купецъ, по естъ, производишь какойнибудь торгъ. На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, промышленности (*), изобилія. Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милоспныи.

Только не лзя назвать Франкфурта хорошо выстроенымъ городомъ. Дома почти всѣ старинные, и расписаны разными красками, — что для глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трактирахъ сполъ очень дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо приготовленныхъ блюдъ и еще десертъ, на двѣхъ или трехъ тарелкахъ, и за это плачу не бо-

(*) Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: Авторъ употребилъ его первый.

лѣе 50 коп. Вино также очень дешево. Бутылка молодого рейнвейна стоить 10 коп., а старого 40.—

Послѣ обѣда, когда солнце укротило жаръ лучей своихъ, вышелъ я за городъ. Сады, сельскіе домики, луга и виноградные огороды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салвадора Розы или Пуссеневоу!

Уединенной домикъ съ садикомъ, не далеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по узенькой пропинкѣ. Два мальчика, игравшіе на правѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтвями. Минувъ черезъ пясть мальчики опять выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать,

пріятная лицемъ, въ бѣлой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Она сѣла на крыльцѣ, и смотрѣла съ улыбкою на играющихъ мальчиковъ, съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, опомнили опѣ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу, и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ платкомъ, и они пустились какъ изъ лука спрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: *я первой!* бросился цѣловать ее. Меньшой прибѣжалъ, и также кинулся къ ней на шею. Любезная карпина семейственнаго щастія! Можешь быть въ городѣ она бы меньше меня пронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ

суммѣ истиннаго щасія , влія-
наго благодѣтельнымъ Суще-
ствомъ въ сосудъ жизни человѣ-
ческой.— Проспи, уединенной до-
микъ! Миръ, тишина и покой да
будутъ всегда наслѣдственнымъ
добромъ твоихъ обитателей! А
ты, вѣтвистое дерево! долго,
долго еще принимай странниковъ
въ тѣнь свою — и подъ кровомъ
шумящихъ листьевъ твоихъ да
веселятся они веселіемъ невин-
ности и добродѣтели!

К О Н Е Ц Ъ В Т О Р А Г О Т О М А .

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 2

Moskva 1803

Opp. 659 b-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605655-7